
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
БК
Александр Житинский
ДИТЯ ЭПОХИ
и другие действующие лица
«АЗБУКА»

Русская литература. Большие книги

Александр Житинский

Дитя эпохи и другие действующие лица

«Азбука»
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Житинский А. Н.

Дитя эпохи и другие действующие лица / А. Н. Житинский — «Азбука», 2026 — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-34940-7

Борис Стругацкий в похвальном слове о творчестве Александра Житинского настойчиво упирает на то, какой он замечательный фантаст, как уловил самую суть фантастики, как «незаурядное воображение и прирожденное чувство юмора вывели Александра Житинского в первые ряды отечественной фантастики». Да, все так… да не так. Вернее, не совсем так. Фантастика, фантазия, чудо, воображение, выдумка составляют основу любой хорошей литературы. И не только хорошей. Говоря обобщенно, любая литература – фантастика. А вот обратное верно не всегда, не любая фантастика – литература. К Житинскому это не относится, слава богу. Его литература живет. Потому что это литература. Настоящая, живая, востребованная. Цикл о младшем научном сотруднике Петре Николаевиче Верлухине, составивший основу настоящего тома, один из самых известных в творчестве Александра Житинского. Собственно говоря, Верлухин – это портрет самого писателя, его отражение в литературном зеркале, то веселое, то с хитринкой, то удивленное, то задумчивое. Но ни разу не равнодушное, никогда без улыбки, да, бывает, что грустной, но как там поется в песенке? «Поскольку грусть всегда соседствует с любовью»? Именно так. И дополнительное тому подтверждение – другие повести, включенные в книгу, не относящиеся к дням и трудам Верлухина. В них та же легкость, тот же озорной дух, то же «незаурядное воображение и прирожденное чувство юмора», о которых писал Стругацкий. Повесть «Третий семестр», входящая в «верлухинский» цикл, публикуется впервые.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34940-7

© Житинский А. Н., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Дитя эпохи, или Записки МНС 8
От автора 8
Вступление[1] 9
Глагол «инженер» 10
Без пяти минут 10
Грузинские фамилии 12
Дверь с шифром 16
Заткни фонтан! 19
Кутырьма 23
Фиктивная жизнь 26
Свадьба понарошку 29
Гений 32
Миг удачи 35
В объятиях заказчиков 37
Распределение 40
Happy end 43
Эпилог 45
Эффект Брумма 47
Пишу письмо 47
Провожу эксперимент 48
Собираюсь 50
Еду 52
Еду дальше 53
Знакомлюсь с Фомичом 55
Экспериментируем вместе 56
Едем обратно 58
Носимся с Фомичом (1) 59
Носимся с Фомичом (2) 60
Выступаем 62
Провожаю Фомича 63
Получаю письмо 64
Пишу диссертацию 65
Сено-солома 66
Добровольцы 66
Стратегия и тактика 67
Амбалы 69
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Александр Николаевич Житинский
Дитя эпохи и другие действующие лица
Полный цикл повестей и рассказов о младшем научном сотруднике Петре Верлухине и внецикловые повести

© А. Н. Житинский (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александр Житинский

Дитя эпохи и другие действующие лица

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Дитя эпохи, или Записки МНС
Повести и рассказы
1975–1994

От автора

Младший научный сотрудник Петр Николаевич Верлухин родился в 1968 году на факультете радиоэлектроники Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина, в факультетской стенгазете «Резонанс», а точнее, в отдельном литературном приложении к этой газете, которое называлось «Транс».

В то время я только что закончил отбывать аспирантуру на кафедре информационных и управляющих систем и был принят на работу на другую кафедру – физики полупроводников – в качестве младшего научного сотрудника с окладом 105 рублей.

Я говорю «отбывать», потому что трехгодичное обучение (пребывание) в аспирантуре было затеяно исключительно с целью иметь свободный график работы, чтобы совершенствоваться в другом деле, которое я уже избрал, а именно – в сочинительстве. Поэтому о защите диссертации я не помышлял, а закончив срок, избрал тихое место на другой кафедре, где за минимальные деньги можно было получить максимальную свободу.

Благодаря этой свободе и был затеян «Транс» – литературное приложение к стенгазете «Резонанс», ежемесячно вывешиваемое на отдельном большом листе на лестничной площадке между первым и вторым этажами второго корпуса ЛПИ. Создавали его два человека – ассистент кафедры физической электроники Михаил Михайлович Бутусов, сын знаменитого ленинградского футболиста, впоследствии доцент и профессор, который рисовал заголовки, иллюстрации и вообще все, что нужно было рисовать, и я, который писал все тексты.

А тексты были самые разнообразные – стихи, пародии, статьи на литературные темы (например, сравнительный анализ поэзии Окуджавы и Высоцкого), публикации малоизвестных материалов и пр. Но «гвоздем» газеты с самых первых номеров, которые мы торжественно вешали с Мих-Михом (кстати, прототипом Мих-Миха в повести «Глагол „инженер“» впоследствии), стали короткие рассказы из серии «Записки МНС» с главным героем-рассказчиком Петей Верлухиным.

Я писал по два-три рассказа к каждому номеру и, не скрою, с тайной гордостью наблюдал издали, как их читают студенты и преподаватели, смеются и даже переписывают в тетрадки.

Это было замечено начальством и, начиная с третьего номера, меня обязали показывать газету в партбюро перед тем, как вешать на стену. Впрочем, цензура сводилась к тому, что приходилось заклеивать две-три фразы в каком-нибудь рассказе. Тексты, естественно, печатались на пишущей машинке.

Так продолжалось несколько лет, пока я не перешел работать в другое место, и уже там, при более оплачиваемом, но таком же свободном графике, не написал шесть повестей с тем же героем, которые публиковались в разных журналах («Аврора», «Студенческий меридиан», «Звезда») и вызвали симпатию публики и разгромную критику в «Литературке» и даже в «Правде». В те времена это было настоящим признанием.

Полностью отдельной книгой мне удалось опубликовать этот цикл лишь в 1994 году под общим названием «Дитя эпохи», каким я и считаю мое Alter Ego – Петю Верлухина.

Александр Житинский

Вступление[1]

Очень много приходится врать.

Даже не лгать – нет, а именно врать. По мелочам, ради спокойствия или ерундовой выгоды. Не думайте, что я такой плохой, а вы такие хорошие. Все мы одинаковы. И все считаем себя в душе честными людьми.

Труднее всего сказать правду о себе. Я несколько раз пытался, но ничего не выходило. Очень было страшно.

Казалось бы, чего проще? Берешь чистый листок бумаги и пишешь что-нибудь в таком роде: «Я, Верлухин Петр Николаевич, родился тогда-то. Жил там-то, учился там-то… Родители, брат, сестра. Жена, дети…» И все это будет чистой правдой. Особенно если приложить к этому листку заполненную анкету и заявление о приеме на работу. В любом отделе кадров такой чистой правды полный шкаф.

Но попробуйте написать о себе честно, не стараясь показаться хорошим. В сущности, мы только и делаем, что стараемся показаться лучше, чем есть. Сколько вранья нагромождено, чтобы окружающие наконец сказали: «Да, это честный и добрый парень!» Ради этого мы здорово изворачиваемся. Сколько компромиссов с совестью, сколько полусогласий и полупоступков! Сколько фиг расцветает в наших карманах! Как изящно мы обманываем самих себя, убеждая в собственной непогрешимости! Дипломатические разговоры с порядочностью ведутся на столь высоком уровне, что наивная наша совесть наконец засыпает, и мы уходим от нее на цыпочках, боясь потревожить.

Впрочем, буду говорить о себе.

Правда заключается в том, что я боюсь правды. И в то же время страшно хочу ее узнать. Я хочу знать о себе все досконально, хотя понимаю, что это не принесет мне счастья и не доставит радости.

И все-таки что-то заставляет меня изложить свою биографию так, как мне хочется. Не для отдела кадров. Если я добьюсь одной трети правды – это будет прекрасно. Тридцать три процента правды – весьма высокий КПД для любого связного текста.

[1] Опубликовано в книге «Дитя эпохи» (СПб.: Новый Геликон, 1994).

Глагол «инженер»

Без пяти минут

В один прекрасный день я осознал, что заканчиваю институт.

Это было в начале сентября, когда нас собрали на кафедре, в лаборатории измерительной техники, и объявили, что начинается преддипломная практика.

Все обставили очень торжественно. Принесли откуда-то доску и водрузили ее на звуковой генератор. Профессору сделали возвышение. Преподаватели стояли неровным строем, заложив руки за спину. Они испытующе смотрели на нас. А мы победоносно смотрели на них, потому что знали, что теперь поделать с нами ничего невозможно. Они просто обязаны нас выпустить с дипломами.

Профессор вскарабкался на возвышение и сказал:

– Немного вас осталось, друзья мои…

– Вашими заботами, Юрий Тимофеевич, – пробормотал Сметанин, который сидел рядом со мной. Сметанина пытались выгнать дважды, но он каким-то чудом удержался. Вместе с ним удержались еще семнадцать человек из первоначальных двадцати пяти. Институт у нас, надо сказать, крепкий.

– Но ничего. Мал золотник, да дорог, – продолжал профессор. – Я поздравляю вас с началом шестого, последнего, дипломного курса. Вы уже без пяти минут инженеры…

Я посмотрел на часы. Было десять минут первого. Следовательно, в двенадцать пятнадцать мы должны были превратиться в инженеров. Я стал ждать.

Профессор проговорил еще минут пять, и я почувствовал, что действительно что-то во мне произошло. Мне показалось, что нас собираются вывести за ворота и бросить на произвол судьбы. И книжечка диплома являлась маленьким фиговым листком, чтобы им мы могли прикрыть свою наготу.

Прошу понять меня правильно. Не фиго́вым, а фи́говым. Это дерево такое в Греции.

Мне стало страшно. До сих пор нас вели из класса в класс, с курса на курс, и создалось впечатление, что вся жизнь разграфлена на классы до самой пенсии и остается только в нужный момент сдать экзамен, посидеть пару ночей – и привет! Ты уже на следующей ступеньке.

Профессор в течение двадцати минут разрушил это представление.

Он сказал, что кончилось наше безмятежное счастье. Теперь оно будет трудным, мятежным и беспокойным. Если вообще будет, в чем профессор был как-то не очень уверен.

Кончилось тем, что он предложил нам выбрать темы дипломных работ, а заодно и руководителей. Каждый доцент, аспирант или ассистент выходил к доске, писал свою фамилию, а рядом тему. Если он находил нужным, он пояснял, что это за тема.

Первым вышел к доске Михаил Михайлович, доцент, который нам читал квантовую электронику. Он, как всегда, был в кожаном пиджаке и с усиками, которые он отпустил летом. Ходили слухи, что он невероятно талантлив, поэтому позволяет себе такие молодежные штучки. Он написал на доске десять слов, из которых понятными мне были только три: «измерение», «параметров» и «концентрация».

– Ну, это просто… – сказал он и написал еще одно название: «Теплообмен в слоистых структурах».

– А вот здесь нужна голова, – сказал он.

Голова в нашей группе была одна. Она принадлежала Славке Крылову, и все об этом прекрасно знали. Поэтому мы повернули головы, которые на самом деле таковыми не являлись, к голове Славки.

– Спасай, – прошептал Сметанин. – Мих-Миху нужна голова.

Славка почесал эту голову и безнадежно махнул рукой. Мы облегченно вздохнули.

Было только маленькое опасение, что кому-нибудь потребуется еще одна голова, которой группа не располагала. Нет, конечно, все чего-то там соображали, но настоящая светлая голова была только у Крылова. И он один это отрицал, проявляя повышенную скромность.

Постепенно доска заполнилась названиями и фамилиями. Началось что-то вроде небольшого торга. Девочки уже менялись темами и руководителями. Охотнее всего они пошли бы к Мих-Миху в силу его элегантности, но Мих-Мих презирал умственные способности женщин, о чем неоднократно заявлял на лекциях.

Я всматривался в лица руководителей, пытаясь найти то единственное, которое не подведет. Все лица были достаточно симпатичны. Все темы были достаточно непонятны. Я решил пустить дело на самотек.

И вдруг профессор Юрий Тимофеевич, который все еще дремал на своем возвышении, проснулся, поискал кого-то глазами и остановил взгляд на мне.

– Верлухин! Подойдите-ка сюда… Я чуть было не забыл.

Я подошел к профессору, испытывая легкое недоумение. Во-первых, было лестно и тревожно, что профессор помнит мою фамилию. Во-вторых, было непонятно, зачем я ему понадобился. Группа замерла в предвкушении.

– Не хотите ли писать дипломную работу по моей теме? – спросил профессор.

Тишина стала жуткой. Что тут ответить? Вообще, имеется ли в подобной ситуации хоть какой-нибудь выбор? Неужели профессор полагал, что я могу отказаться?

– Хочу, – пролепетал я, испытывая тягостное желание припасть к руке профессора.

– Ну вот и прекрасно, – сказал Юрий Тимофеевич, снова погружаясь в дремоту.

– А… Какая… Тема? – выдавил я совершенно бестактно.

– Что? – встрепенулся профессор. Он недовольно посмотрел на меня, поерзал на возвышении и сказал: – Тема… Ну тема как тема!.. Не помню, какая тема! – рассердился он. – Приходите завтра, поговорим.

Я мгновенно растворился в группе, съежился, спрятался и затих. Мысли стучали во мне, как колесики в будильнике. Я не знал, как расценивать только что случившееся со мной. Требовалось мыслить твердо и логично. И я стал мыслить.

Почему именно я? Я не отличник, не именной стипендиат, не обладаю оригинальным умом и получил у профессора на экзамене устойчивую «четверку», заработанную усидчивостью и терпением. Таким образом, творческие причины отпадали.

Мои родители не работают в торговле и сфере обслуживания. Они не занимаются распределением жилплощади, не оформляют туристические путевки за границу и не устанавливают телефоны. Отец у меня военный, а мать домохозяйка. Следовательно, профессора нельзя было обвинить и в корыстных интересах тоже.

Может быть, у него есть дочь, которой пора замуж? Но тогда я тоже не представляю интереса по причине всего вышеизложенного. Кроме того, я женат. Я женился после второго курса, у меня уже дочка. Правда, профессор может всего этого не знать.

Так что же, он меня за красивые глаза выбрал?

– Как пить дать, оставит в аспирантуре… Как пить дать! – убежденно прошептал Сметанин. – Везет же олухам!

– Сам ты олух! – сказал я.

Раздача слонов и материализация духов на этом закончилась. Все разошлись, во главе с профессором, который даже на меня не посмотрел. Группа отчужденно молчала. Я почувствовал, что меня отгородили прочной стенкой. Я был приближен к начальству по непонятным причинам, меня возвысили и навсегда лишили доверия коллектива.

Я побрел домой, чтобы рассказать обо всем жене.

«В пять минут, в пять минут можно сделать очень много…» – пел я про себя старую бодрую песенку из кинофильма «Карнавальная ночь».

Грузинские фамилии

На следующий день я пришел на кафедру и справился, где будет мое рабочее место.

Зоя Давыдовна, секретарь кафедры, повела меня по коридору. Мы прошли мимо всех лабораторий и остановились у двери с номером 347. Дверь была серая, неопрятного вида.

– Юрий Тимофеевич обещал быть к двенадцати, – сказала Зоя Давыдовна и ушла.

Я вошел в комнату. Справа стояли два пустых стола, а слева, перегораживая комнату пополам, громоздилось что-то черное, непонятное, с множеством круглых ручек. Оно было похоже на мебельную стенку производства ГДР, на которую мои родители стояли в очереди. Вся передняя панель стенки была густо усеяна рядами ручек с указателями. Внизу была узкая горизонтальная панель с кучей проводов. Я подошел к стенке и покрутил одну из ручек. Указатель защелкал, перепрыгивая с деления на деление.

– Не трожь! – сказала стенка человеческим голосом.

Я отскочил от стенки к столу и сделал вид, что раскладываю на нем бумаги.

– Выставь потенциометр на прежнее деление, – продолжала стенка ровным голосом.

Теперь я уже знал, что крутил ручку потенциометра. Но какую? Их было штук триста, и я не успел запомнить, какую я трогал. Я снова приблизился к стенке и начал шарить глазами по указателям.

– Ну, чего ты там? – лениво поинтересовалась стенка.

Я схватился за первую попавшуюся ручку и повернул ее против часовой стрелки. Снова раздался треск указателя.

– Ну ты, брат, даешь! – сказал тот же голос, потом за стенкой послышалось шевеление, и из-за нее вышел худой мужчина в черном свитере. Он был мрачен. Подойдя к стенке, он, почти не глядя, нашел сдвинутые мною ручки и восстановил первоначальное положение.

– Чемогуров, – сказал он, протягивая руку. – А это электроинтегратор, – представил он стенку. – Ты его больше не трогай.

– Петя… – сказал я. – Верлухин. Я буду здесь диплом писать.

– У кого? – спросил Чемогуров.

– У Юрия Тимофеевича.

Чемогуров оценивающе посмотрел на меня. Он рассмотрел мое лицо, волосы, пиджак, брюки и ботинки. Мне стало не по себе.

– Годидзе, – сказал он.

– Чего? – не понял я.

– Грузинская фамилия, – мрачно пояснил Чемогуров. – Годидзе.

– При чем тут грузинская фамилия?

– Скоро поймешь, – сказал он и стал разминать своими длинными пальцами папиросу.

Чемогурову было лет под сорок. Он был небрит и нестрижен. Под глазами фиолетовые мешки. Свитер висел на нем, как на распялке. Было видно, что Чемогуров холост, любит выпить и пофилософствовать.

Он дунул в папиросу и закурил. Потом, еще раз взглянув на меня, ушел за электроинтегратор.

Я выбрал себе стол, застелил его листом миллиметровки, который оторвал от рулона, и прикнопил. На стол я выложил из портфеля большую толстую тетрадь, стаканчик для карандашей, стирательную резинку, три разноцветные шариковые ручки, пачку белой бумаги и угольник. Все это я разложил в идеальном порядке. Я люблю аккуратность.

После этого я сел за стол и стал ждать. Была половина двенадцатого.

За интегратором что-то тихонько запищало, потом затюкало и зашипело. Чемогуров пробормотал три слова. Первые два я не расслышал, а последнее было «мать».

Тут распахнулась дверь, и в комнату быстрым шагом вошел Мих-Мих, за которым почти бежал Славка Крылов. Мих-Мих поздоровался со мной, окинул беглым взглядом столы и воскликнул:

– Ага! Так я и предполагал. Стол еще не занят… Располагайтесь! – приказал он Славке.

Славка молча взял с моего стола лист бумаги, подошел к своему столу, написал на листе «Занято» и положил лист на стол.

– Расположился, – сказал он.

– Вот и прекрасно, – сказал Мих-Мих. – Женя, ты не возражаешь? – крикнул он в сторону интегратора.

Чемогуров снова появился, посмотрел на Славку и пожал плечами.

– Что мне, жалко? – сказал он. – А ты, Мишка, большая скотина, – продолжал он, обращаясь к Мих-Миху.

Наш доцент сразу подобрался. Он кинул взгляд на нас, и глаза его стали непроницаемыми. Мы со Славкой сделали вид, что мы глухие от рождения.

– Ты же мне обещал заказать вэтэ семнадцатые. Я без них тут кувыркаюсь, – сказал Чемогуров.

– Ты не горячись, – сказал доцент и, обняв Чемогурова за плечи, увел его за интегратор.

– А я не горячусь, – сказал Чемогуров. – Но ты свинья.

Мих-Мих что-то ему зашептал, сначала сердитым голосом, а потом умоляющим.

– А иди ты! – проворчал Чемогуров.

Мих-Мих показался из-за стенки с наигранно-бодрой улыбкой на лице. Они с Крыловым уселись за его стол и принялись обсуждать тему диплома. При этом они то и дело хватали чистые листы из моей пачки и писали на них какие-то формулы. Мне стало жалко своей бумаги, потому что многие листы они тут же комкали и кидали в корзину. Это было обидно.

Постепенно они увлеклись и стали кричать друг на друга, пользуясь разными терминами.

– Дэ фи по дэ икс равно нулю! – кричал Мих-Мих.

– Пускай! – кричал Крылов. – А частное решение? Поток идет сюда.

– Сомневаюсь. Надо проверить.

– Да это же и так видно! – кричал Крылов.

– Вам видно, а мне не видно… Стоп! – воскликнул Мих-Мих. – Мне пора на лекцию. К следующему разу прочитайте вот это.

И он написал на листке список литературы. Потом доцент поправил галстук и ушел. Славка еще немного побегал по комнате, переваривая мысли, сел к подоконнику и застыл, уставившись на улицу.

– Нужно делать железо, – внятно произнес Чемогуров за стенкой.

Славка встрепенулся, засунул листок с литературой в карман и убежал в библиотеку. На его столе остался ворох исписанной им и доцентом бумаги. Я вздохнул, сложил листки в стопку и придвинул их на край стола.

Потом я на цыпочках подкрался к интегратору и заглянул за него. Там был закуток, заставленный приборами от пола до потолка, опутанный проводами и погруженный в синеватый канифольный дым. Чемогуров настраивал какую-то схему. На экране осциллографа стоял зеленый прямоугольный импульс. Чемогуров недовольно смотрел на импульс и дотрагивался щупом до ножки транзистора, отчего импульс подпрыгивал.

Стена над столом была облеплена цветными проспектами с изображением цифровых вольтметров, счетных машин, лазеров и прочих штук. Проспекты были наклеены любовно, точно зарубежные красавицы.

– Вот зараза! – сказал Чемогуров и погрузил жало паяльника в канифоль. Брызнула струйка дыма, канифоль зашипела, и Чемогуров прикоснулся паяльником к ножке транзистора. Импульс на экране провалился куда-то, потом всплыл в увеличенном виде.

– Ага! – сказал Чемогуров и откинулся на спинку стула. Тут он заметил меня. – А-а… Ты еще здесь? – протянул он. – Тоже теоретик? – спросил Чемогуров сурово.

– Почему тоже? Почему теоретик? – слегка обиделся я.

– Ну, этот парнишка у Майкла будет теорией заниматься. Верно?

Я сообразил, что Майкл – это Михаил Михайлович. На всякий случай я пожал плечами.

– А ты будешь теоретизировать у шефа, – объяснил Чемогуров.

– Я еще темы не знаю, – сказал я.

– Зато я знаю, – отрезал Чемогуров и снова склонился над импульсом.

Я не успел расспросить его про тему, как в коридоре послышались голоса и щелкнул фиксатор двери. Я вышел из закутка и увидел церемонию, происходящую в дверях. В коридоре перед дверью интеллигентно толкались три человека: Юрий Тимофеевич и два неизвестных. Они пропускали друг друга вперед. Это было удивительно красиво. Жесты их были предупредительны и настойчивы. Юрий Тимофеевич загребал незнакомцев обеими руками, а те в свою очередь пытались пропихнуть его в дверь. Жесты сопровождались соответствующими восклицаниями. Я подумал, что если они таким образом входят в каждую дверь, то уже потеряли много сил и времени.

Наконец им удалось войти. Они протиснулись все сразу, облегченно вздохнули и рассмеялись.

– Разрешите вам представить нашего молодого сотрудника, ответственного исполнителя темы Петра Николаевича Верлухина, – сказал профессор, делая в мою сторону жест раскрытой ладонью.

За интегратором у Чемогурова что-то со стуком упало на пол. А у меня внутри что-то оборвалось, когда смысл сказанных профессором слов дошел до моего сознания.

– Харахадзе, – сказал первый незнакомец, протягивая руку.

– Меглишвили, – сказал второй, делая то же самое.

Тут я их разглядел. Несомненно, это были грузины. Тот, что назвал себя Харахадзе, был высок, сед и красив той красотой, которая сводит с ума некоторых женщин. Меглишвили был покороче и потолще. Глаза у него располагались так близко к переносице, что между ними оставалось расстояние миллиметров в пять. Оба грузина смотрели на меня чуть покровительственно.

– Прошу садиться, – сказал Юрий Тимофеевич, указывая той же ладонью на стулья.

Мы сели. Харахадзе закинул ногу на ногу и достал из кармана пачку американских сигарет. Он церемонно протянул пачку профессору, но тот сделал протестующий жест. Харахадзе перевел пачку ближе ко мне. Я вытянул сигарету и поблагодарил легким кивком. Щелкнула импортная зажигалка. Мы закурили.

– Как я вам уже говорил, Петр Николаевич, мы решили сделать вас ответственным исполнителем новой темы, – начал профессор.

Я важно кивнул, сообразив, что мое дело состоит именно в этом.

– Наши тбилисские товарищи предложили нам договор на научно-исследовательскую работу. Научное руководство темой я взял на себя, а вам предстоит провести непосредственно расчеты…

За стенкой опять что-то звякнуло, и послышались сдавленные звуки. Чемогуров веселился от души.

– Зураб Ираклиевич, я прошу вас вкратце рассказать о сути вашей работы… Так сказать, из первых рук, – с улыбкой сказал профессор.

Харахадзе затянулся, поискал, куда стряхнуть пепел, но не нашел. Я подсунул ему листок бумаги из своей пачки. Он задумчиво стряхнул пепел и сказал:

– Ми рэжим металл…

После этого он сделал глубокую паузу, во время которой я успел правильно понять фразу.

– Ми рэжим металл, – повторил он, внезапно возбуждаясь. – Вольфрам, титан, ванадий… Ми рэжим лазером…

По-видимому, ему очень нравилось слово «режем». У него даже глаза засверкали. Из дальнейших объяснений я понял, что они «рэжут» и сваривают тонкие листы вольфрама, титана и прочих металлов для электронных приборов, которые они конструируют и изготовляют на своем опытном производстве. Точность требуется феноменальная, потому что приборы маленькие. Их интересуют тепловые процессы, поскольку при сварке лазерным лучом иногда отваливаются припаянные лепестки, выводы и еще что-то. А иногда даже лопается стекло. Короче говоря, мне нужно произвести теоретический расчет тепловых режимов при сварке, чтобы они могли определить, на каком расстоянии от спаев можно «рэзать».

К пониманию проблемы мы пришли общими усилиями в течение сорока минут.

– Ви считаете, ми платим дэньги. Ми рэжим, ви защищаете диссертацию, – веско закончил Зураб Ираклиевич.

Я не стал объяснять, что еще не защитил диплома.

– Вы уж только, пожалуйста, вышлите нам техническое задание, – попросил Юрий Тимофеевич. – Договор мы сегодня подпишем, а техническое задание…

– О чем разговор, Юрий Тимофеевич! – воскликнул Харахадзе.

Меглишвили посмотрел на часы и что-то обеспокоенно сказал по-грузински. Харахадзе погрозил ему пальцем и засмеялся.

– Ну а теперь, друзья мои, ми обедаем. Я правильно говорю, нет? – сказал Зураб Ираклиевич.

Профессор кинул на меня быстрый взгляд. Может быть, он боялся, что я соглашусь так же естественно, как взял американскую сигарету? Но я знал чувство меры. Не хватало мне начинать работу над дипломом с обеда в компании профессора!

– Столик уже заказан, – проговорил Харахадзе игривым шепотом.

– В «Астории», – добавил Меглишвили.

Я вспомнил, что я ел на завтрак. Я ел яйца всмятку и бутерброд с колбасой. Очень хорошая еда на завтрак. Потом я подумал, что сейчас помчусь в нашу студенческую столовую, выбью чек на половинку харчо, шашлык из свинины с рисом и компот. Получится прекрасный грузинский обед на восемьдесят семь копеек. Это будет праздник.

Все это пронеслось у меня в сознании, пока профессор, опасливо косясь на меня, разводил руками и говорил, что у него дела и прочее.

Я тоже развел руками и сказал, что у меня в тринадцать пятнадцать доклад в обществе «Знание» на тему «Перспективы развития лазерной техники». Грузины посмотрели на меня с уважением, а Юрий Тимофеевич с благодарностью.

Таким образом я отпал. Мы долго и задушевно прощались, причем Зураб Ираклиевич намекал на мой приезд в Тбилиси, где мы, мол, возьмем свое.

– Если начальство отпустит… – пошутил я, глядя на профессора.

– Непременно, непременно поедете, – сказал Юрий Тимофеевич. Это была компенсация за мой отказ от обеда.

– Где взять такси? – озабоченно спросил Меглишвили. Его явно беспокоил остывающий обед в «Астории».

Они вышли уже не так церемонно, почти по-дружески, и гул их голосов затих в коридоре.

– Интересно, могу ли я, в самом деле, съездить в Тбилиси? – подумал я вслух. – Было бы неплохо…

– Могулия! – крикнул Чемогуров за интегратором. – Грузинская фамилия… Теоретиков надо душить, – задумчиво сказал он.

Дверь с шифром

Прошла неделя, и постепенно все встало на место. Мы с Крыловым каждый день сидели за своими столами, изучая литературу. То и дело мы затевали долгие разговоры об уравнении теплопроводности и методах его решения. Во время этих разговоров из-за стенки электроинтегратора доносились комментарии Чемогурова. К двум его поговоркам, с которыми я был уже знаком, а именно:

1. Нужно делать железо,
2. Теоретиков надо душить,

прибавилось еще несколько. Например:

3. Аплодируйте ушами!
4. Эйнштейн на скрипочке играет.
5. Одним теплом сыт не будешь.

И тому подобная чушь.

Последнюю поговорку он придумал специально для нас, поскольку в наших разговорах слово «тепло» встречалось особенно часто. Тепло идет туда, тепло идет сюда… Но мы не обижались на Чемогурова. Мы уже знали его историю.

Евгений Васильевич Чемогуров был легендарной личностью. О нем рассказала нам Зоя Давыдовна, секретарь, когда мы заполняли листки с названием темы дипломной работы. Кажется, это называлось заданием на дипломное проектирование. Вообще-то, эти задания должен заполнять руководитель, но мой профессор и Мих-Мих безоговорочно доверились нам с первого дня. Поэтому мы сами написали себе задания. Название темы Юрий Тимофеевич продиктовал мне по телефону. Оно звучало так: «Исследование тепловых процессов при обработке металлов лазерным лучом».

Так вот, о Чемогурове. Он учился в одной группе с Мих-Михом, и они там были корифеями. После диплома их сразу оставили в аспирантуре. Мих-Мих пошел нормальным путем, а Чемогуров окольным. Он зарылся в схемы, паял, гнул железо, собирал приборы, испытывал, ломал, переделывал и в результате ничего не написал.

Мих-Мих защитил кандидатскую, стал доцентом и сейчас уже дописывал докторскую, а Чемогуров остался старшим инженером. За это время он придумал кучу схем, каждую из которых можно было оформить в виде кандидатской диссертации, если навести на нее научный блеск. То есть не просто выдать работающую схему, а объяснить, почему она работает, обложить гарниром из формул и заключить описание в солидный переплет.

Чемогуров ничего этого принципиально не делал.

В итоге создалась странная ситуация. Его приборы работали в других организациях. За Чемогуровым охотились доктора наук, руководители лабораторий, начальники отделов крупных КБ, переманивая его к себе. А он сидел в закутке за электроинтегратором и дымил канифолью. Он оставался свободным художником.

– Там у них план… – говорил Чемогуров. – Нужно делать то, что нужно. А мне хочется делать то, что хочется.

Я долго размышлял над жизненной позицией Чемогурова. Почему-то она не давала мне покоя. Если упростить его высказывание и придать ему вид формулы, то получится такая схема:

ОНИ: Нужно делать, что нужно.

ЧЕМОГУРОВ: Хочется делать, что хочется.

Поменяв местами члены, можно получить следующее:

ОНИ: Нужно делать, что хочется.

ЧЕМОГУРОВ: Хочется делать, что нужно.

То есть если бы ИМ нужно было делать то, что хочется Чемогурову, или Чемогуров хотел бы делать то, что ИМ нужно, такая ситуация всех бы устроила. Но этого ни разу не случилось.

Впрочем, Чемогуров охотно брал отдельные заказы, когда они ему нравились, и выполнял работы по хоздоговору. Он изобретал схему, делал опытный образец и сдавал заказчику. Заказчик запускал схему в серию, Чемогуров получал премию по хоздоговору. Видимо, это его устраивало.

Как я успел заметить, Чемогурова ценили, но относились к нему осторожно. Профессор Юрий Тимофеевич его побаивался.

Мих-Мих вел себя с Чемогуровым вроде бы как со старым товарищем, но было видно, что ему это нелегко дается. Кажется, он испытывал чувство некоторой вины за то, что Чемогуров до сих пор живет незащищенным.

Один Чемогуров плевал на все взаимоотношения и субординацию.

Может быть, именно из-за Чемогурова нашу комнату редко посещали. Профессора я видел только один раз с тех пор, как мы осваивали грузинские фамилии. Мих-Мих забегал дважды и убегал прежде, чем Крылов успевал открыть рот. Поневоле мы общались только с Чемогуровым.

Мне уже не терпелось взяться за конкретные расчеты. Сдерживало отсутствие технического задания. Я пожаловался Чемогурову.

Он, как всегда нехотя, появился из-за интегратора, посмотрел на меня с тоской и медленно начал:

– Теоретиков…

– Знаю, знаю! – отмахнулся я. – Надо душить. Это уже было.

– Зачем тебе это задание?

– Ну как же! Параметры конструкций, материалы, режимы обработки, скорости движения луча… Что же, придумывать, что ли?

– Вот именно, – кивнул Чемогуров.

– В чем же тогда смысл работы?

– Весь смысл твоей работы, – внушительно произнес Чемогуров, – в том, что ты получишь синенькие корочки.

– Они же договор заключили! На двадцать тысяч! – закричал я.

– Аплодируйте ушами! – сказал Чемогуров и скрылся за стенкой.

Я подождал еще неделю, изучая монографию Карслоу и Егера, а потом поймал Юрия Тимофеевича в перерыве заседания ученого совета. Профессор непонимающе посмотрел на меня. Видимо, он не рассчитывал на скорую встречу со своим дипломантом.

Я коротко изложил ему просьбу насчет технического задания. Юрий Тимофеевич состроил кислую мину и махнул рукой.

– Может быть, бог с ним? – полувопросительно сказал он.

– Может быть, он и с ними, – довольно дерзко сказал я. – Но мне хотелось бы иметь техническое задание. Я не знаю, что мне считать.

– Ладно, я позвоню Зурабу Ираклиевичу… Только учтите, Петя, что вы должны полагаться больше на себя.

«Куда еще больше?» – подумал я.

Когда я рассказывал Славке о разговоре с профессором, невидимый Чемогуров подал реплику:

– Петя, ты достукаешься со своим заданием. Попомни мои слова.

Его слова я попомнил через две недели. Все это время я помогал Славке Крылову моделировать тепловой поток в слоистых структурах. Мы использовали электроинтегратор. С раз-

решения Чемогурова. Интегратор оказался ценным прибором. Мы в упоении щелкали ручками потенциометров и снимали кривые. У меня внутри немного скребли кошки, потому что мой диплом пока был на нуле.

И вот через две недели, придя на кафедру, я увидел, что два мужика в комбинезонах обшивают дверь нашей комнаты листовым железом. Грохот стоял на весь коридор. Они посторонились и молча пропустили меня в комнату. Я уселся за стол и стал смотреть, как они работают.

Через несколько минут пришел Чемогуров, хмыкнул, снял плащ и тут же ушел. Уходя, он сказал:

– Когда кончится эта самодеятельность, позвони мне. Я буду в лаборатории измерений.

Самодеятельностью занимались три дня. Чемогуров и Крылов отсутствовали. После того как обшили дверь, стали устанавливать железные решетки на окнах. Я поинтересовался, зачем решетки на четвертом этаже. Я сказал, что мы пока не собираемся прыгать на улицу. Мужики не оценили моего юмора.

– Думаешь, нам больше всех надо? – сказал один.

Они вмазали решетки в оконный проем, наследили цементом и ушли. Железная дверь выглядела внушительно. Наружная сторона ее была украшена небольшой вертикальной планочкой с кнопками. Рядом с кнопками располагались цифры от 0 до 9. С внутренней стороны двери приделали замок.

Я стал подметать пол. За этим занятием меня застал Чемогуров.

– Поздравляю! – сказал он. – Ты своего добился.

– Почему? – не понял я.

– Ты что, ничего не знаешь? – спросил Чемогуров.

– Не знаю, – сказал я, предчувствуя что-то нехорошее.

– Сходи к Зое. Она тебя обрадует.

Я побежал к Зое Давыдовне. Она очень просто и буднично сообщила мне, что грузины прислали техническое задание. Поскольку институт у них закрытый, техническое задание пришло в Первый отдел с грифом «для служебного пользования». Первый отдел тут же распорядился обить железом дверь и поставить решетки на окна, чтобы мне было удобнее пользоваться техническим заданием.

Я даже присвистнул.

– Можете идти в Первый отдел и брать задание, – сказала Зоя Давыдовна.

Я пошел туда и сказал, что у нас теперь все в порядке в смысле дверей. Расписался в какой-то книге, взял запечатанный конверт с грифом «для служебного пользования» и пошел обратно.

Как бы там ни было, в руках у меня было техническое задание.

Наша новая железная дверь оказалась запертой. Я постучал.

– Набери трехзначный шифр. Дверь откроется, – сообщил мне изнутри глухой голос Чемогурова.

– Какой шифр?! – крикнул я.

– Пошевели мозгами – какой! – крикнул он.

Это была месть. Я прикинул количество сочетаний из десяти элементов по три. Получилось громадное число. Я забарабанил кулаками в дверь. Чемогуров дьявольски захохотал.

Тут меня осенило. Как-то сразу пришло решение. Если такой человек, как Чемогуров, изобретает трехзначный шифр, что ему первым делом может прийти в голову? Конечно, стоимость поллитровки!

И я смело набрал 3–62. Дверь мгновенно распахнулась.

Чемогуров выскочил из-за интегратора страшно довольный. Он радовался моей удаче. Он даже хлопнул меня по плечу.

– Молоток! Башка варит!

Я прошел к своему столу с таким видом, будто всю жизнь разгадывал тайные шифры. Славка Крылов сидел отвернувшись и давился от смеха. Ничего, это ему дорого обойдется!

Я важно распечатал конверт и вынул оттуда несколько листков. Чемогуров сзади жадно следил за моими действиями. Он ждал развязки. Видимо, ему было что-то известно. А может, он догадывался.

– Между прочим, в этой комнате я делал схему, которая сейчас летает на спутнике, – сказал он. – И ничего. Никто меня в железо не заковывал…

Он явно издевался. Не обращая на него никакого внимания, я развернул листки. На одном из них было письмо Зураба Ираклиевича Юрию Тимофеевичу и мне. Письмо стоит того, чтобы привести его целиком.

Уважаемые Юрий Тимофеевич и Петр Николаевич! Пользуясь случаем, шлю вам горячий привет из нашего солнечного Тбилиси. Мы с товарищами ожидаем успешных результатов нашей совместной плодотворной работы. Нам бы хотелось, чтобы прилагаемое техническое задание ни в коей мере не сковывало вашей инициативы. Всегда будем рады принять вас в нашем городе для выяснения любых вопросов и деталей.

С дружеским пламенным приветом,
Зураб Харахадзе.

Письмо было на бланке института.

Вторым листком оказался сложенный вчетверо план города Тбилиси на русском и грузинском языках. Маршруты автобусов, названия улиц и достопримечательности.

На третьем листке была нарисована электронная лампа. К внутренней ее детали была протянута стрелочка, рядом с которой стояла надпись: «режем здесь». Никаких размеров и разъяснений.

Я повертел листок в руках, соображая. В смысле полной свободы действий и проявления инициативы это было идеальное техническое задание. Я покосился на Чемогурова, ожидая его реакции. Интересно, какую поговорку он сейчас произнесет? Я ожидал услышать: «Эйнштейн на скрипочке играет». Мне казалось, что она наиболее подходит к случаю.

– С пламенным приветом! – сказал Чемогуров.

– Ну что? Все в порядке? – спросил Славка, отрываясь от книги.

– Почти, – сказал я.

После этого я взял авторучку и каллиграфическим почерком написал письмо Зурабу Ираклиевичу. Письмо было полно ответного дружеского оптимизма. Я выражал полнейшую уверенность в успехе нашей плодотворной работы. Я сообщал, что никто и ничто не в силах остановить нашей безумной инициативы. Я слал приветы тбилисским достопримечательностям.

Игра началась, и нужно было соблюдать ее правила.

– За это надо выпить, – предложил Чемогуров.

В конце дня я сбегал за двумя бутылками «Гурджаани», и мы выпили их, сидя за интегратором. Чемогуров был в прекрасном настроении. Уходя, он сменил шифр замка на 2–37. Столько стоила бутылка «Гурджаани».

Заткни фонтан!

Я уже собирался впасть в тоску и идти к профессору с жалобами на заказчика, но Чемогуров посоветовал мне этого не делать. Он сказал, что заказчики развязали нам руки и я могу рассчитывать что угодно. Он набросал мне несколько эскизов характерных конструкций и ска-

зал, чтобы я занимался ими. Попутно он порекомендовал использовать метод интегральных уравнений. Оказалось, что Чемогуров может не только паять.

Я засел за интегральные уравнения и приближенные методы. К следующему приходу профессора у меня была готова расчетная схема по первой конструкции. Конструкция представляла собой тонкую пластинку металла, к которой под углом была припаяна другая пластинка. Путем хитрых расчетов я определял, где можно резать одну пластинку, чтобы вторая не отвалилась.

Юрий Тимофеевич выслушал меня с огромным удовольствием. Так мне показалось. Я тоже был рад, что оправдываю его надежды, хотя до сих пор не знал, почему он возложил их именно на меня.

– А что, получится неплохая работа… – задумчиво сказал он. – Практическое внедрение обеспечено… Кстати, где они используют эту конструкцию?

– В лампах бегущей волны, – сказал из закутка Чемогуров, прежде чем я успел во всем сознаться.

Профессор удивленно поднял брови и покосился на интегратор.

– Я показывал техническое задание Евгению Васильевичу, – промямлил я.

– Ах вот как!.. Ну что ж, он у нас главный специалист по электронике… Евгений Васильевич, вы не возражаете, если мы впишем вас консультантом по теме Петра Николаевича? – обратился он в пространство.

– Ради бога, – сказал Чемогуров.

Тут я понял, что это у меня с профессором предпоследний разговор. Последний будет, когда я ему принесу диплом на подпись. К сожалению, я ошибся, как это потом будет видно.

Юрий Тимофеевич порекомендовал мне провести численные расчеты на ЭВМ и ушел, дружески пожав руку.

– А если потом выяснится, что я липу считал? – подумал я вслух для Чемогурова.

– Не понимают люди своего счастья… – ответил он.

– Кстати, у профессора есть дочка? – спросил я.

– Хорошенькое «кстати», – проворчал Чемогуров. – Кажется, есть.

– Сколько ей лет?

– Что-то около двадцати.

Я подошел к окну и стал рассматривать свое бледное отражение в стекле. Я пытался отгадать, что в моей внешности могло понравиться профессору. Нет, вообще-то, я ничего себе. Без особенных уродств… Глаза вдумчивые, брови просто красивые. Рот, правда, никуда не годится. А главное, я женат…

– А зачем тебе его дочка? – лениво поинтересовался Чемогуров.

Я не успел ответить, потому что щелкнул замок с шифром и в дверях показался Крылов. С Крыловым в последние дни стало твориться что-то странное. Во-первых, он выдал Мих-Миху какую-то идею, от которой доцент пришел не то в ужас, не то в восторг. Эту идею Славка предварительно опробовал на мне. Я ничего не понял. Мих-Мих, видимо, понял больше и стал приходить каждый день к нам в комнату. Но тут Крылов повел себя странно. Это и было во-вторых.

Он стал пропадать. Без всяких объяснений не являлся на работу. Уходил вдруг среди дня. Появлялся вечером и сидел один в комнате допоздна. Утром я находил на его столе чайник Чемогурова и куски сахара. Один раз он ушел посреди разговора с Мих-Михом. Посмотрел вдруг на часы, застенчиво улыбнулся и ушел. Мих-Мих даже обидеться не успел. Если бы не гениальная идея, с которой возился Крылов, Мих-Мих его бы приструнил. Но сейчас Славке все прощалось.

– Ты где был? – спросил я Славку.

Он только загадочно улыбнулся.

– Тебе звонил Мих-Мих. Спрашивал, когда ты сможешь его принять.

Теперь Крылов улыбнулся смущенно. Но все равно ничего не сказал, сел за стол и мечтательно уставился в стенку.

– Ты что, совсем офонарел? – спросил я. – Он ждет звонка в первом корпусе. На кафедре вычислительной математики.

– Сейчас позвоню, – сказал Крылов и попытался сделать озабоченное лицо. У него ничего не вышло.

Он сладко потянулся, рассеянно переложил листки на столе, раскопал телефон кафедры вычислительной математики и промурлыкал:

– Сорок два, восемь шесть, восемь два…

После этого Крылов ушел звонить Мих-Миху.

– Одним теплом сыт не будешь, – сказал Чемогуров.

– Вы думаете, он влюбился? – спросил я, догадавшись.

– Ясно и ежу, – сказал Чемогуров.

Он вышел из-за интегратора и стал ходить по комнате. Время от времени он поглядывал на пустой Славкин стул, на листочки, разбросанные по столу, на стакан Славки с присохшими ко дну чаинками. Было видно, что Чемогуров думает о чем-то своем.

– Когда-то давно в этой комнате, за этим столом, произошло обыкновенное чаепитие, – начал Чемогуров. – Лет пятнадцать назад. Результатом его явилось то, что один молодой аспирант не защитил диссертацию. Не говоря уже о других важных для него вещах… Трое молодых людей попили чайку с сахаром, потолковали о жизни… Интеллигентно, не впрямую. И один из них понял, что он лишний. Он допил свой чаек и ушел. А те двое остались…

Я слушал с большим вниманием, потому что Чемогуров еще так со мной не говорил. Обычно он изображал циника. Сама история никакого интереса не представляла. Мало ли кто с кем не пил чаю, молока или там шампанского. И не вел разных разговоров… Но чувствовалось, что Чемогуров слишком хорошо все помнит.

В коридоре послышался стук каблуков. Я уже научился его узнавать. Так энергично и целеустремленно ходил только Мих-Мих.

– Женя, привет! – сказал он, вбегая в комнату с Крыловым.

– Здорово, – сказал Чемогуров, протягивая ему руку.

Доцент пожал руку и мне, спросил, как мои дела. Я сказал, что нормально. Мих-Мих весело взглянул на Чемогурова и сказал:

– Женька, а ведь вроде бы совсем недавно мы здесь просиживали штаны? А?

– Я только что об этом рассказывал, – тихо сказал Чемогуров, надел плащ и вышел.

– Мы с ним вместе писали здесь дипломы, – сказал ему вслед Мих-Мих, – и кандидатские тоже… – начал он, но осекся, видимо вспомнив, что писали вместе, а написал один. – Он замечательный человек, – закончил Мих-Мих.

Тут какая-то тень пробежала по его лицу. Мелькнуло какое-то воспоминание, но Мих-Мих отогнал его, и они с Крыловым опять устроили диспут часа на два.

Чемогуров до конца рабочего дня больше не появлялся. На следующее утро он был мрачнее обычного, и мешки под глазами выступали резче.

Впрочем, у меня не было времени следить за настроениями Чемогурова. С самого утра к нам завалился Борька Сметанин. Крылов опять отсутствовал.

Сметанин зашел осторожно. Вид у него был такой, будто он принюхивается. Он о чем-то потрепался, рассказал, как он пишет диплом, но я видел, что Сметанину что-то надо. Вместо того чтобы прямо перейти к делу, он начал рассказывать о своей руководительнице. Сметанин пошел на диплом к молодой аспирантке, видимо имея в виду свои неотразимые внешние данные. Он у нас был первым человеком в группе по этой части. Сметанин жил в общежитии, но родители хорошо снабжали его с юга. И деньгами, и продуктами, и тряпками. Сметанин

одевался лучше всех в группе, что никак не влияло на умственные способности. Кое-как он дотянул до диплома, и теперь из него вынуждены были делать инженера.

Надо сказать, что аспирантка здорово его запрягла. Сметанин называл ее старой научной девой и всячески ругался, потому что она не обращала внимания на его шмотки, а требовала результатов измерений. Сметанин измерял параметры полупроводниковых материалов.

– Ну ладно. Чего тебе нужно? – спросил я, когда Сметанин меня утомил.

– Петя, вы со Славкой поступаете не по-товарищески, – сказал он. – Вы сидите под боком у начальства. Ты с профессором на дружеской ноге…

– Скажешь тоже! – возразил я.

– Закройся! Я все знаю. Ты затыкаешь своим телом грузинский договор. Тебе профессор будет обязан по гроб жизни.

– Кто тебе сказал? – спросил я.

– Да все говорят. Моя селедка говорила… Ей проф предлагал этим заняться. Она отказалась.

Селедкой у него была теперь аспирантка. Когда он к ней подъезжал на распределении тем, она была рыбкой получше.

– Ну и что дальше?

– На кафедру пришли заявки из министерства. Нужно узнать, какие есть места для иногородних. Вам-то со Славкой хорошо. Вас все равно в Ленинграде оставят… Так что давайте! Ты сейчас один можешь это сделать. Славке не до этого.

– Почему? – автоматически спросил я, раздумывая над поручением Сметанина.

Сметанин посмотрел на меня с удивлением. Потом он терпеливо объяснил, что у Крылова сейчас роман, о чем все, кроме меня, знают. У него роман с Викой Одинцовой из нашей группы. Может быть, они даже поженятся. По мнению Сметанина, я должен был чуть-чуть больше соображать, что к чему. Если они поженятся, то Одинцова, у которой средний бал оставляет желать лучшего, пойдет при распределении впереди как семейная. Это и волновало Сметанина.

«Господи, какие тонкости!» – подумал я.

– И вообще, Петя, ты совсем отошел от группы. Славка ладно, он выдающийся человек, у него все равно башка не тем забита. Но ты мог бы быть к нам поближе…

Ага, вот как он заговорил! Он заговорил от лица общественности. Я был жалким отщепенцем, пригревшимся под крылышком профессора, погрязшим в семейных делах и своем грузинском дипломе. Группа прислала мне своего представителя. Представитель уличил меня в индивидуализме.

Сметанин ушел, а у меня на душе стало совсем худо. А что, если наша Викочка, наша серенькая птичка, незаметная и тихая, окрутила Славку только из-за лучшего распределения? Вот к чему ведут разговоры с такими типами, как Сметанин. Начинаешь хуже относиться к людям.

Эта Вика никогда ничем не выделялась. Скромно училась, скромно сдавала, скромно пользовалась шпаргалками, скромно одевалась и скромно ждала своего часа. Я вдруг подумал, что ничего не могу о ней сказать. Мы проучились рядом пять лет, скоро расстанемся и вряд ли вспомним друг друга. Это тоже говорило о моем индивидуализме. И я стал бичевать себя с новой силой, вспоминая разные факты из жизни группы, когда я оказывался в стороне. Такие вещи прощают талантливым, на них смотрят снизу вверх, как на Славку. Во мне же не было ничего такого. Сметанин правильно сказал. Я просто обязан был жить с ними заодно, волноваться, подсчитывать шансы при распределении и следить за романом Славки Крылова.

Мой индивидуализм был лишен законных оснований.

Когда пришел Славка, от меня осталась горстка пепла. Я сжег себя дотла.

– А что Вика? – спросил я его.

Славка очумело посмотрел на меня. Я понял, что до него не доходят звуки моего голоса. У него было лицо лунатика, которого внезапно разбудили, когда он прогуливался по карнизу.

– Чего-чего?.. – спросил он.

– Как дела? Ты ей напишешь диплом?

– Петя, заткни фонтан! – угрожающе произнес из-за интегратора Чемогуров.

Славка вдруг затрясся от хохота, упал на стул и продолжал смеяться в течение десяти минут. Я засек по часам. Потом он погрозил мне кулаком.

– Не твое дело! – сказал он.

Кутырьма

Несколько дней я убил на дурацкое поручение Сметанина. Я стал подъезжать к Зое Давыдовне, которая сидела в «конторе», как мы ее называли, за пишущей машинкой. Зое Давыдовне было лет двадцать восемь. Она была маленькой, круглой и симпатичной. Пишущая машинка была марки «Оптима».

Сначала я заходил просто так. Потолковать о погоде. А потом напросился перепечатать три странички отчета, который я готовил заказчикам. Постановка задачи и метод решения.

Я печатал медленно, одним пальцем, а Зоя подшивала бумаги, регистрировала письма и заполняла какие-то бланки. Краем глаза я следил за бумагами.

Медленно, но неуклонно между нами завязывалась беседа.

– Скоро кончим уже… – вздохнул я.

– Да… – охотно вздохнула Зоя. – И не говорите! Каждый год студенты уходят. Не успеешь привыкнуть, а их уже нет.

Я вздохнул в квадрате, если можно так выразиться.

– И главное, неизвестно, куда попадешь, – сказал я.

Зоя не отреагировала на мой намек.

– Если бы не семья, было бы все равно… – продолжал я.

– Петя, вы женаты? – изумилась Зоя.

– Уже четвертый год, – мрачно подтвердил я.

– И дети есть?

– Угу.

– Ну, тогда вам бояться нечего. Вы на распределении пойдете в первую очередь.

– Хотелось бы знать куда.

– Да я сейчас не помню… – рассеянно сказала Зоя. – Места все хорошие.

– А можно посмотреть? – спросил я.

– Вообще-то, пока нельзя… – неуверенно сказала Зоя.

Ее неуверенность придала мне сил. Я почувствовал, что нужно сменить тему и подождать, пока плод сам упадет в руки.

– У вас всегда потрясающая прическа, – сказал я примитивно и нагло.

– Да? – сказала Зоя, заливаясь румянцем. Она несколько заволновалась, встала с места и подошла к зеркалу. Прическа и в правду была в порядке.

– Как вы этого добиваетесь? Скажите, я научу жену.

– У меня есть фен, – скромно сказала Зоя.

– Приятно, когда женщина так за собой следит, – сказал я, чувствуя непереносимый стыд. Но странное дело – Зое все это нравилось!

– Скажете тоже, Петя… – возразила она смущенно.

– Все, я кончил. Спасибо! – твердо сказал я, вынимая листок из машинки. Это был гениальный ход с моей стороны. Я его не продумывал, он пришел по наитию. По лицу Зои я понял, что ей не хочется прерывать столь удачно начавшийся разговор.

– Так вас действительно интересуют места? – спросила она.

– Ну, не так чтобы очень… – начал ломаться я.

– Можете посмотреть, – сказала она, доставая из шкафа папку с надписью «Распределение».

– Зоинька, вы добрая фея! – воскликнул я как можно более натурально. В глубине души я чувствовал себя Сметаниным.

Мы уселись рядышком и принялись изучать заявки. Я выписывал места распределения на листок. Зоя комментировала, если место было ей знакомо. Для ленинградцев я выписал пару известных НИИ, штук семь почтовых ящиков, пяток заводов. На оборотной стороне листа я стал выписывать другие города. Новосибирск, Тула, Саратов, Рязань…

– Петя, вас же в другой город не пошлют. Ленинградцев мы распределяем в Ленинграде, – сказала Зоя.

– Мало ли что, – уклончиво сказал я. – Возможно, меня позовет романтика.

И я продолжал писать: Новгород, Углич, Кутырьма…

– Что это за Кутырьма? – спросил я.

– Понятия не имею. Кутырьма у нас впервые, – сказала Зоя. – Вот Новгород знаю. Там большое КБ акустических приборов.

На отдельном листке в папке «Распределение» был список нашей группы. Мы были расставлены по среднему баллу. Первым стоял Крылов со средним баллом 5,000. Это выглядело вызывающе. Я помещался где-то в первой трети. Мой балл был 4,587. Сметанин замыкал список. Против его фамилии значилось 3,075. Это был самый краткий и выразительный итог нашего пребывания в вузе.

После этой акции мой авторитет в группе очень вырос. В течение нескольких дней вся группа побывала в нашей комнате. Приводил их Сметанин, который неустанно подчеркивал свою инициативу. Места распределения обсуждались тщательно, в особенности Кутырьма. Кутырьму никто не мог найти на карте. Сметанин полагал, и не без основания, что Кутырьма достанется ему.

– Меня может спасти только одна вещь… – сказал он.

– Какая? – спросила Вика. Разговор был при ней. Крылов тоже сидел в комнате, но делал вид, что распределение и Вика его не касаются.

– Женитьба! – многозначительно сказал Сметанин.

Вика почему-то покраснела. А Сметанин достал записную книжку и долго листал ее, шевеля губами. Потом он захлопнул книжку, решительно запахнулся в свой длинный плащ, намотал шарф на горло и ушел. Вика тоже исчезла. Только она ушла, смылся Крылов. Чемогуров вышел ко мне. Он был чем-то недоволен.

– Ты занимаешься ерундой, – сказал он. – Вот возьми параметры материалов и размеры конструкций. Нужно это сосчитать.

Он протянул мне листок бумаги. Откуда он брал эти цифры, ума не приложу. Я покорно взял листок и принялся писать программу для машины. Машина у нас была на кафедре вычислительной математики. Называлась она «М–222». Я уже договорился, чтобы мне давали машинное время.

Однако история с Кутырьмой на этом не закончилась. Не успел я первый раз выйти на машину, как снова явился Сметанин.

– Петя, ты мне нужен сегодня вечером, – сказал он. – Приходи в общежитие к семи.

– Зачем? – спросил я.

– Ну, я тебя прошу, старик! Очень нужно! – сказал Сметанин, но объяснять ничего не стал.

Я отличаюсь тем, что не умею отказываться. Если меня настойчиво просят, я соглашаюсь, чтобы сэкономить нервы. На самом деле нервы я этим не экономлю, потому что потом ругаю себя за то, что согласился.

Вечером я пришел в общежитие к Сметанину. Он был один в своей комнате. На Сметанине была эффектная рубашка с немыслимым воротничком и новенькие синие джинсы. На джинсах было килограмма полтора заклепок. Сметанин стоял у окна и увлеченно тер себе задницу наждачной бумагой.

– Ну как? – спросил он, показывая результаты работы.

– А что должно быть? Дыра? – спросил я.

– Потертость, – сказал Сметанин. – Купил совсем новые джинсы, а нужны потертые. В потертых самый хип. Коленки я уже сделал.

Я посмотрел на его коленки. Они были такими потертыми, будто Сметанин совершал на них паломничество к святым местам. Он довел до такого же состояния задницу и стал готов к мероприятию.

– Пошли, – скомандовал он.

Мы вышли на улицу и куда-то поехали. Троллейбус привез нас на Невский. По Невскому шли нарядные прохожие. Сметанин привел меня к стеклянным дверям, в которые втекала тонкая струйка очереди. Это был коктейль-бар. Очередь состояла из молодых людей, одетых, как Сметанин, и еще лучше. Сметанин что-то сказал швейцару, и нас пропустили.

В коктейль-баре было темно и накурено. За стойкой возвышалась фигура бармена в белой рубашке и при бабочке. Сметанин помахал ему рукой и пошел в угол, где за столиком сидела девушка.

– Знакомьтесь, – сказал он. – Это Мила.

Мила встала и протянула мне руку. В темноте я разглядел только глаза, которые занимали почти все лицо. Собственно, ничего, кроме глаз, и не было. Мила напоминала соломинку, из которой она тянула коктейль. На ней был бархатный комбинезончик с вырезом на животе. Вырез имел форму сердечка. В центре выреза размещался аккуратный маленький пупок.

– Петя, – сказал я, стараясь не смотреть на пупок.

Сметанин принес еще три коктейля, и мы стали ловить кайф. Так выразился Сметанин.

Я еще никогда не ловил кайф. Я даже не знаю, как это толком делается. Дело в том, что я женился после второго курса и мне просто некогда было ловить кайф. У нас родилась дочка, мы с женой ее прогуливали, купали, по очереди не спали ночью, когда она болела, и тому подобное. Кроме того, я подрабатывал, чтобы у семьи были деньги. Я чертил листы первокурсникам, которым не давалось черчение. Моя аккуратность приносила мне десятку за каждый лист большого формата. Так что с кайфом у меня обстояло туго.

Я судорожно ловил кайф, соображая, зачем Сметанин привел меня сюда. Неужели он не мог посидеть с девушкой наедине?

Постепенно выяснилось, что Мила учится в университете. Она социальный психолог. Специальность у нее была такая же модная, как комбинезончик.

– Я испытываю интерес к асоциальным личностям, – сказала Мила. – Здесь я их изучаю.

– Борька, тогда ты зря меня привел, – сказал я. – Я плохой экспонат. Я еще не дорос до асоциальной личности.

Заревела музыка, и на стенке бара зажглись разноцветные огни, которые дрожали и переливались в такт музыке. Сметанин и Мила поднялись, обхватили друг друга руками и застыли рядом со столиком. Они простояли минуты три, пока играла музыка, не шевелясь. Многие юноши и девушки поблизости делали то же самое.

Я понял, что безнадежно отстал и устарел морально.

Они сели, и разговор продолжился. Мила говорила о Фрейде, экзистенциализме и каких-то мотивациях. Еще она говорила слово «ремиссия», которое я постарался запомнить. Каким

образом в разговоре участвовал Сметанин, для меня осталось загадкой. Но он тоже что-то произносил, близкое к социальной психологии. В самый разгар экзистенциализма Милу пригласил танцевать молодой человек в звериной шкуре, которая свисала с него живописными лохмотьями. На этот раз танец был другим. Они вышли на свободное место перед стойкой и стали прыгать. Молодой человек в шкуре потрясал кулаками, а лохмотья яростно развевались.

– Ну как? – спросил Сметанин.

– Недурно, – сказал я.

– Значит, так. Я на ней женюсь. Ты будешь свидетелем…

– Почему я?

– Тебе что, трудно? Так надо… Это будет фиктивный брак, – прошептал Сметанин таинственно.

Я совсем обалдел от коктейля и непонимающе уставился на Сметанина.

– Фиктивный брак, – повторил он. – Это значит, что мы распишемся, я получу ленинградскую прописку, меня распределят здесь, а потом мы разведемся. Она согласна.

– Мне не хочется, – сказал я. – Это нечестно.

– А честно загонять человека в Кутырьму?! А честно писать липовый диплом для грузин?! – завопил Сметанин.

Этим он меня убил. На соседних столиках с интересом посматривали на нас, ожидая инцидента. Мила подошла к нам после танца и сказала:

– Мальчики, у вас наедине психологическая несовместимость. Я сяду между вами.

И мы продолжали ловить кайф втроем, правда, он никак не ловился. У меня в голове вертелось это дурацкое слово: Кутырьма, Кутырьма, Кутырьма. Оно очень подходило к окружающей обстановке.

Фиктивная жизнь

Настроение у меня после того вечера испортилось. Моя жена заявила, что если я пойду к Сметанину свидетелем на фиктивный брак, то могу наш брак считать тоже фиктивным. Она хорошо знала Сметанина, поскольку до того, как мы поженились, училась в нашей группе. Потом, правда, ей пришлось на год отстать из-за дочки.

– Если уж ты не занимаешься дипломом, а устраиваешь фиктивные браки, пошел бы лучше подработать. На нашу с тобой стипендию я не могу купить дочери даже туфельки.

Она была абсолютно права. Мне все стало казаться в мрачном свете. Мой диплом тоже выглядел фиктивным. Незаметно это слово взяло меня в плен, потому что я постоянно думал то о фиктивном дипломе, то о фиктивном браке. Все вокруг стало фиктивным. Я фиктивно ел, фиктивно спал, слушал фиктивные радиопередачи, смотрел фиктивные детективные фильмы по телевизору. Я делал фиктивные расчеты фиктивных электронных приборов. Я становился фиктивным инженером.

Окончательно добил меня Крылов. Выяснилось, что он уже написал свой диплом и теперь работает над диссертацией, потому что Мих-Мих обещал ему аспирантуру. Вот только неясно, что он сначала будет защищать – диплом или диссертацию. Попутно он фактически написал диплом своей Вике, как я и предполагал. Об этом рассказал тот же Сметанин. Правильно говорят, что любовь способна на чудеса. Моя беда состояла в том, что я пережил любовь еще на втором курсе. Нужно было оттянуть ее до диплома.

Сметанин повадился к нам в комнату и вел бесконечные разговоры о преимуществах фиктивного брака и о Кутырьме, местоположение которой он выяснил. Кутырьма была где-то за Уралом, что не устраивало Сметанина. Еще он начал читать Фрейда и нес несусветную чушь о психоанализе.

Мое положение становилось критическим. Спас меня Чемогуров.

Однажды он, как всегда, вышел из-за интегратора и выгнал Сметанина. Сметанин и не предполагал, что Чемогуров там сидел и слушал его бред о психоанализе и фиктивном браке.

– Вот ты, – сказал Чемогуров, указывая пальцем на Сметанина, – уходи отсюда и больше сюда не приходи. Я запрещаю как ответственный за противопожарное состояние комнаты.

– Почему? – выдавил перепугавшийся Сметанин.

– Потому что он, – и Чемогуров перевел палец на меня, – уже горит синим пламенем.

Сметанин удалился, стараясь сохранять достоинство. Чемогуров тут же переменил шифр на двери и запретил сообщать его посторонним. Он поставил 4–67 в честь того шампанского, которое мы будем пить после моей защиты.

После этого Чемогуров сел верхом на стул напротив меня и долго изучал мое лицо. Я в это время внимательно рассматривал пол.

– Как ты думаешь, чем студент отличается от инженера? – начал Чемогуров. Я понял, что вопрос риторический, поэтому не ответил. – Тем, что студент получает оценку от преподавателя, а инженер ставит ее себе сам, – продолжал Чемогуров. – Преподавателя можно обмануть, а себя не обманешь.

– Вот-вот, – сказал я. – Я и не хочу себя обманывать. Моя работа никому не нужна.

– Любую работу можно делать двояко, – продолжал философствовать Чемогуров. – Можно сделать так, что ею воспользуются один раз и выкинут, как бумажный стаканчик. Но если ты сделаешь ее по-настоящему, она пригодится еще много раз. Ты сам не знаешь, кому и когда она сможет пригодиться.

– Вы ведь сами говорили, что весь смысл моей работы в получении диплома…

– Для тебя, – спокойно парировал Чемогуров. – Но не для человечества.

– Скажете тоже – для человечества! – смущенно возразил я. Мне несколько польстила неясная связь моей работы с человечеством.

– Ты студент, Петя, и останешься студентом до пенсии! – в сердцах вскричал Чемогуров. – Ты будешь вечно видеть не дальше своего носа, вечно зарабатывать хороший балл у начальства, вечно решать маленькие конкретные задачи…

Я обиделся. Особенно меня задело слово «вечно». Мне не понравилось, что мою бездарную деятельность планируют на такой срок.

– Лазеры еще еле дышат! – кричал Чемогуров. – Тебе и не снилось, как они будут применяться! В космосе чем будут сваривать? А?.. У тебя появилась уникальная возможность поставить и решить задачу в общем, для многих случаев, для будущего! Бу-ду-ще-го! – по складам произнес Чемогуров. – А ты страдаешь, что твои расчеты не нужны сейчас в городе Тбилиси.

Чемогуров ушел в свой закуток и с шипением погрузил паяльник в канифоль. А я стал думать над его словами.

В самом деле, я еще ни разу не смотрел на свою работу с такой точки зрения. А ведь нужно смотреть на любую работу именно так. Я старался ее спихнуть и получить маленькую пользу в виде диплома и горстки полезных сведений для грузинского КБ. Теперь мне предстояло переосмыслить задачу и стараться уже для всего мыслящего человечества.

Мыслящее человечество с нетерпением ждало результатов.

И я провалился в программу для машины. Тут моя жизнь стала опять совершенно фиктивной, но уже в другом смысле. Я стал работать по ночам.

Вычислительная машина днем сильно загружена. Поэтому студентам ее в нормальные часы не дают. Мое машинное время начиналось с полуночи и кончалось в шесть утра. Около месяца я жил в странном режиме совы или летучей мыши.

Я просыпался после обеда, часа в четыре. В пять я завтракал и садился за программу и выкладки по расчету тепловых полей. В десять часов вечера я обедал и шел на машину. Ровно в полночь я нажимал кнопку общего сброса и запускал свою задачу. Устройство ввода заглатывало колоду перфокарт, и лампочки на панели начинали дрожать мелкой дрожью.

В шесть часов утра появлялся заспанный инженер по эксплуатации и нажимал ту же кнопку общего сброса. Он сбрасывал мою задачу. В семь утра я приходил домой, ужинал и ложился спать.

Я жил в противофазе с женой и окружающими.

Мыслил я в то время на двух языках, причем оба были неродными. Первым был математический язык формул. Мои тепловые поля выражались через ряд интегралов, среди которых выделялся один. Он имел особенность. Я старался обойти ее и так и сяк, вычисляя интеграл приближенно, но ничего не получалось. Для этого интеграла я придумал специальное имя. Я назвал его «бесконечно подлый змей», потому что он обращался в бесконечность в одной точке, а другие слова выражали мое к нему отношение. На «змея» я тратил уйму времени.

Другим языком на этот период времени стал сильно усеченный английский, в котором было около двух десятков слов. Этот язык назывался АЛГОЛ–60. На нем я разговаривал с машиной.

Может ли машина мыслить? Этот вопрос часто становится предметом дискуссии в прессе. По-моему, он устарел. Машина уже давно мыслит. В этом я убедился на собственном опыте. Правда, она мыслит не так, как нам бы хотелось.

Мои диалоги с машиной выглядели странно.

– Бегин! – говорил я, нажимая кнопку ввода. Этим словом начиналась моя программа. Машина не различала его на слух, но понимала, если слово было набито на перфокарту.

– КОНЕЦ ОТДЫХА, ВРЕМЯ СЧЕТА, – вежливо говорила машина, печатая свои слова на пишущей машинке. И начинала считать.

Чаще всего ей не нравилась моя программа. Проработав несколько минут, машина говорила мне страшное слово АВОСТ. На нормальном языке это означает АВТОМАТИЧЕСКИЙ ОСТАНОВ, хотя я сильно сомневаюсь в наличии слова «останов» в русском языке.

Короче говоря, она останавливалась, потому что произошло деление на ноль или что-то в этом роде. По всей вероятности, это были проделки «подлого змея». После АВОСТА машина терпеливо ожидала продолжения диалога.

Однажды, когда она выдала мне подряд семь «авостов», я ее ударил. Я смазал ей по никелированной панели устройства ввода. Машина и тут оказалась выше меня. Она в восьмой раз произнесла с достоинством это слово и затихла. Я ругался так, что мне не хватало не только алгольных, но и всех известных мне русских слов. Машина молча зациклилась, то есть ушла в себя и минут десять крутилась на одном месте программы, пока я ее не остановил.

Подобные сцены обычно происходили часа в четыре ночи, когда в голове полная путаница, а сквозь окна машинного зала видны только одинокие милицейские машины.

Корректность и твердость машины бесили меня. Я совал ей в пасть новые и новые перфокарты, но она невозмутимо выплевывала АВОСТ или зацикливалась.

Иногда инженер по эксплуатации заставал меня лежащим на пульте в полном изнеможении. Машина же всегда была как огурчик.

Кто же из нас, спрашивается, мыслил?

Я пожаловался на машину Чемогурову. К тому времени он завалил меня исходными данными по лазерной сварке, которые брались неизвестно откуда. Но из-за упрямства машины результаты задерживались.

– Всякая машина – это женщина, – глубокомысленно изрек Чемогуров. – Только лаской, Петя, только лаской и нежностью. Грубым напором ты ничего не добьешься.

Я не успел воспользоваться его советом, потому что подошло время жениться Сметанину. Я уже успел позабыть, что приглашен свидетелем. Но Сметанин это хорошо помнил. Продолжение моего романа с машиной пришлось отложить. Сметанин нашел меня и потребовал выполнения обязательств. Я сказал, что жена против. Сметанин презрительно посмотрел на меня и обозвал подкаблучником.

– Сделай так, чтобы она не знала. Ты же все равно каждый вечер уходишь из дома. Не все ли ей равно – на свадьбу или на машину?

И я решился. Кроме всего прочего, я никогда не видел фиктивного брака. Хотелось посмотреть, как это выглядит. Было только одно маленькое затруднение. На свадьбу нужно было одеться поприличнее, чем на работу. Жена, конечно, сразу обратила внимание, когда я наряжался.

– На работу так не ходят, – сказала она. – У тебя, наверное, свидание?

– Конечно, свидание, – сказал я. – Чемогуров советовал подойти к машине как к женщине. Теперь я всегда буду ходить к ней нарядным и с цветами.

Между прочим, я так потом и делал. Может быть, именно это мне помогло.

Но в тот вечер жена не оценила моего юмора, и мы с ней немного поспорили. В результате я чуть не опоздал во Дворец бракосочетания, где регистрировались Сметанин и Мила.

Когда я с букетом белых хризантем влетел во Дворец, до бракосочетания оставалось полторы минуты. А во Дворце график бракосочетаний выполняется с точностью железнодорожного расписания. Это я знал еще по своей регистрации.

Я взбежал по мраморной лестнице наверх и ворвался в зал, где происходило построение участников. Процедурой руководила миловидная девушка. Она выстраивала всех парами перед закрытыми дверями в самый главный зал, где совершалось таинство.

– Впереди жених и невеста, – командовала она. – Дальше свидетели…

Какая-то незнакомая девушка подхватила меня под руку и повела. Мы пристроились за Сметаниным и Милой. Мила на этот раз была в нормальном свадебном платье. Сметанин, красный от духоты и ответственности, обернулся и погрозил мне кулаком.

– Следующими становятся родители невесты… – продолжала вещать распорядительница.

За нами пристроилась еще одна пара. Я скосил глаза и, к своему ужасу, обнаружил, что пара эта состоит из элегантной пожилой женщины в розовом костюме и профессора Юрия Тимофеевича, моего руководителя.

Он был строг и торжествен.

– Здра… – прошептал я, но задохнулся.

Профессор кивнул мне немного холодновато. Мол, не стоит церемониться, после поговорим. Я отвернулся, чувствуя, что мой затылок немеет под взглядом профессора. Вот и состоялась наша встреча! Больше всех я в тот момент ненавидел Сметанина. Только теперь я понял, зачем я ему понадобился в качестве свидетеля.

Сметанин прикрывал мною свой фиктивный брак. Я был буфером между ним и профессором.

Заиграл свадебный марш композитора Мендельсона, и мы вошли в зал бракосочетания, чтобы выполнить формальности фиктивного брака.

Свадьба понарошку

Интересно было бы узнать, о чем свидетельствует брачный свидетель? Свидетель в суде, например, рассказывает, как произошло преступление. При этом он обязуется говорить правду и только правду. С брачного свидетеля таких обязательств не берут. По-видимому, он должен засвидетельствовать, что знает жениха с хорошей стороны и уверен в благоприятном браке. То есть я должен был сделать именно то, против чего активно возражала моя совесть.

Тем не менее в нужный момент я вышел к столу и поставил свою подпись там, где требуется.

– А теперь, товарищи, поздравьте новобрачных! – сказала главная женщина с бархатной красной перевязью.

Мы все, толпясь, подошли к Сметанину и Миле и принялись их целовать куда попало. Хуже того, пришлось целовать и родителей. Я облобызался с собственным профессором, чувствуя, что никогда еще не был в более идиотской ситуации.

– Как ваши расчеты? – спросил он меня между поцелуями.

– Как сказать?.. Скорее хуже, чем лучше, – ответил я и снова приник к его щеке.

После этого мы дружной гурьбой спустились вниз и принялись рассаживаться в такси. Я как свидетель ехал с новобрачными в специальной машине с переплетенными колечками на крыше. К колечкам примотали большую куклу в свадебном платье с фатой. Кукла хлопала глазами на ветру и была очень похожа на Милу. Эта кукла символизировала что-то хорошее.

Мы поехали сначала на Дворцовую площадь, где трижды объехали вокруг Александровской колонны. Зачем это понадобилось, не знаю. Таков обычай. Эти загадочные обычаи плодятся с огромной быстротой. Кажется, уже появилась мода взбираться на купол Исаакиевского собора в день бракосочетания.

Потом мы поехали в ресторан «Ленинград», где был заказан свадебный ужин. Заказывал ужин Юрий Тимофеевич, который взял на себя и другие свадебные расходы. Если бы профессор знал, что его дочь вступает в фиктивный брак, он не потратил бы ни копеечки.

– А ты не боишься, что придется расплачиваться при разводе? – шепнул я Сметанину, чтобы хоть как-нибудь испортить ему настроение.

– Не имеет права. Я узнавал у юриста, – быстро ответил он.

Колоссальный человек!

Все расселись за столом. Гостей было человек сорок. С одной стороны стола сидели старики – тети, дяди, бабушка Милы и прочие родственники. По другую сторону – молодежь. Были ребята из нашей группы, включая Крылова и Вику. Вика разглядывала всех с повышенным интересом и невзначай наводила справки. Она готовилась к своему браку. Крылов до сих пор пребывал в состоянии грогги и никого, кроме Вики, не замечал.

Мои неприятности продолжились и в ресторане, потому что меня назначили тамадой. Я должен был выкликать тосты и время от времени организовывать хор, завывающий «Горько!».

Сметанин и Мила целовались кинематографично и не без чувства. Было не похоже, что впереди их ждет фиктивный брак. Я тем временем потихоньку записывал на салфетке имена и отчества всех родственников, чтобы, не дай бог, не перепутать.

– А теперь мы попросим бабушку Милы Калерию Федоровну сказать несколько слов и напутствовать новобрачных! – кричал я голосом циркового клоуна.

И несчастная бабушка, принимая за чистую монету все происходящее, проникновенно говорила о трудностях и радостях семейной жизни. Рука об руку… Умейте прощать друг другу… Главное – дети… Сметанин понимающе кивал.

– Горько! – крикнула Вика и вдруг ни с того ни с сего запустила пустым фужером в стенку. Фужер просвистел над головой профессора и разлетелся на мелкие брызги.

– На счастье! – твердо сказала бабушка, выпила и тоже хряснула своим фужером об пол.

Сразу возник официант. Он обеспокоенно повертелся вокруг стола и наклонился к уху профессора. Юрий Тимофеевич, благодушно улыбаясь, что-то сказал официанту. Тот испарился.

Сметанин и Мила опять слились в поцелуе. Они, кажется, вошли во вкус. Свадьба потеряла управление и покатилась дальше сама собой, как трамвай, у которого отказали тормоза. Заиграл оркестр, гости пошли танцевать, а ко мне подсел Юрий Тимофеевич. Он был в приподнятом расположении духа.

– Вот как бывает, Петя, – сказал он, обобщая совершающееся в одной фразе.

Потом он помолчал и стал расспрашивать о Сметанине.

– Скажите, как вам нравится Боря? Вы ведь его хорошо знаете… Как студент он… э-э… немножко с ленцой. Но мне кажется, если захочет, он своего добьется. Не правда ли?

– Совершеннейшая правда! – убежденно сказал я.

– Хорошая пара… – сказал профессор, с любовью глядя в зал, где на площадке перед оркестром кружились Сметанин и Мила.

– Очень подходят друг другу, – согласился я.

– Так что, Боря? Мне хотелось бы знать ваше мнение. Вы ближайший его товарищ.

Всякий раз, когда у меня спрашивают мое мнение, я теряюсь. И вовсе не потому, что не обладаю им. Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев хотят услышать не мое мнение, а подтверждение своему. Вот и сейчас профессор Юрий Тимофеевич хотел услышать от меня, что Сметанин превосходнейший человек, добрый товарищ и верный друг. Я же придерживался мнения, что Сметанин большой прохиндей, бездарен, но энергичен. Поэтому я сказал:

– Боря очень энергичен…

– Так! – воскликнул Юрий Тимофеевич, радуясь совпадению.

– Любит общество. Всегда живет жизнью коллектива, – продолжал я, вспомнив его поручение относительно мест распределения.

– Ага! – кивнул профессор.

– По-моему, Мила любит его, – закончил я свое мнение.

– Я тоже так думаю, – сказал профессор.

А ведь умный человек! Лауреат государственной премии. Большая голова в своей области. Почему умение разбираться в людях никак не коррелирует с профессиональным совершенством? Проще говоря, почему профессора, академики и, скажем, народные артисты могут быть сущими детьми во всем, что касается человеческих отношений?

Профессора опять отвлек официант. Они стали обсуждать горячее и сладкое. Что когда подавать. А я пригласил Вику, потому что она явно скучала. Крылов не умел танцевать и только шептал ей что-то на ухо. Я дружески отстранил Славку и повел Вику на площадку.

Слава богу, играли что-то спокойное. Можно было поговорить.

– Как тебе это все нравится? – спросил я.

– Очень! – мечтательно сказала Вика. – Они такие счастливые! Я вот только удивляюсь твоему участию…

– А что? – не понял я.

– Всем известно, что при кафедре оставят двоих, – сказала Вика. – Крылову место обеспечено. Мы думали, что вторым будешь ты. А теперь, скорее всего, оставят Борьку. Как же не помочь зятю?..

Я отодвинул Вику от себя и осмотрел ее, продолжая танец. Наконец я ее увидел. Оказывается, можно проучиться с человеком пять лет, а увидеть один раз в ресторане во время танца.

Я подумал, что Крылов непроходимый дурак. У меня даже появилось желание его спасти. Но вмешиваться в чужую личную жизнь не принято.

Я поблагодарил Вику за танец и вернул Крылову.

Дальше были какие-то незначительные свадебные эксцессы. Кто-то куда-то убегал, его ловили, успокаивали, пили на брудершафт, целовались, хохотали над чем-то, привели иностранца, усадили, пили с ним на брудершафт, целовались, выясняли, откуда он, наконец выяснили. Он был с острова Маврикий.

В общем, все как обычно.

В полночь я обнаружил себя стоящим в вестибюле ресторана в обнимку с профессором. Я выяснял, почему он к себе на диплом взял меня, а дочь выдал за Сметанина. Я находил это нелогичным. Профессор настойчиво грозил мне пальцем и смеялся.

Самое интересное, что и в этот раз у меня было машинное время. Я вышел на машину в час ночи, шутил с нею и пел ей цыганские романсы. Видимо, машине это понравилось. Под утро затрещало АЦПУ, что в переводе на русский язык означает «алфавитно-цифровое печатающее устройство», и машина выдала мне рулон бумаги с буквами и цифрами. Я засунул рулон под мышку и пошел домой разбираться.

Когда я проснулся днем, рулон лежал под подушкой. Я развернул его и прочитал следующий текст:

$2 \times 2 = 4$
$3 \times 3 = 9$
$4 \times 4 = 16$
ПОНЯЛ?
НЕ ПЕЙ ПЕРЕД РАБОТОЙ НА ЭВМ!
ЦЕЛУЮ, МАНЯ.

Этот текст был повторен раз тысячу.

Думаю, что это была шутка инженера по эксплуатации. Впрочем, не уверен.

Гений

В течение некоторого времени после свадьбы профессор проявлял ко мне повышенное внимание. Он звонил по телефону и интересовался, как идут дела. Я неизменно отвечал, что нормально. Наконец Юрий Тимофеевич зашел в нашу комнату, чтобы посмотреть на результаты. Я показал ему теоретические кривые, выкладки с интегральными уравнениями, «бесконечно подлого змея» и алгольную программу.

– Все хорошо, только программа не идет, – сказал я.

– Как это не идет? Должна идти, – сказал профессор.

– Я тоже так думаю.

– Ничего! Пойдет, – сказал Юрий Тимофеевич и похлопал меня по плечу. – А как настроение? Как дела дома? Вы ведь, кажется, женаты?

– Кажется, – сказал я.

Профессор недоуменно поднял брови.

– Я давно не видел жену, – пояснил я. – Мы с ней расходимся во времени.

Профессор понимающе улыбнулся. Потом в его взгляде мелькнула какая-то мысль. Он наклонился ко мне и прошептал заговорщически:

– Есть способ обрадовать жену…

Теперь уже я недоуменно поднял брови. А Юрий Тимофеевич рассказал о том, что у него есть друг, член-корреспондент. У члена-корреспондента есть сын. Сын учится на втором курсе нашего института, только на другом факультете. И у него нелады с математикой. Нужно помочь ему разобраться в интегралах. Сам член-корреспондент их уже подзабыл, да ему и некогда. Вот он и ищет репетитора своему сынку. Профессор сказал, что, если я за две недели натаскаю его, мне очень неплохо заплатят.

– Они живут совсем рядом с институтом. По дороге в вычислительный центр будете заходить к ним и проводить занятие. Отец, понимаете, очень меня просил. Договорились?

Конечно, мы договорились. А что было делать?

На следующий день мне сообщили, когда можно приходить. Вечером я отправился к члену-корреспонденту. Он действительно жил в двух шагах от института, в новом красивом доме. Я поднялся на четвертый этаж и нажал кнопку звонка. За дверью раздался звучный лай.

Мне открыл сам член-корреспондент. Он был маленького роста, лысоватый, с быстрыми и умными глазами. На ногах были шлепанцы. Рядом с ним стояла черная собака почти с него

ростом. Собака бросилась лапами мне на грудь и лизнула длинным языком в щеку. Нельзя сказать, чтобы это мне понравилось.

– Она у нас ласковая, – сказал хозяин. – Проходите…

Я разделся, и меня провели в комнату к сыну.

– Можете приступать, – сказал член-корреспондент и ушел.

За письменным столом сидел юноша цветущего вида. У него были широкие плечи, розовые щеки и унылое выражение лица. Я подошел к нему и протянул руку. Он встал. Росту в нем было на двух членов-корреспондентов. Просто удивительно, какие фокусы вытворяет наследственность!

– Петр Николаевич, – солидно представился я.

– Гений, – сказал он смущенно.

– Это понятно, что гений, – сказал я. – А можно как-нибудь попроще?

– Геня, – сказал он, смотря на меня сверху своими детскими глазами.

– Ну что ж, Геня, – сказал я. – Давайте ваши интегралы!

Он сразу сник, обреченно повернулся к столу и стал листать тетрадку. Мы начали заниматься.

Надо сказать, что такой патологической неприязни к математике я никогда больше не встречал. Вид интеграла вызывал у Гения физическую муку. Он смотрел на него, шевелил губами, морщился, но ничего, кроме слова «дэикс», не произносил. Я понял, что натаскать его за две недели будет чертовски трудно.

Для начала я попытался определить глубину невежества Гения. Другими словами, я хотел узнать, какие разделы математики он знает твердо. Я решил идти от интегралов к начальной школе. Производных и дифференциалов Гений не знал начисто. Элементарные функции присутствовали в его памяти лишь в виде намека. С формулой квадратного трехчлена Гений был знаком понаслышке. С несомненностью выяснилось, что твердо он знал только таблицу умножения.

Я спросил, каким образом ему удалось закончить школу.

Гений пожал плечами и кивнул головой на дверь. Я понял, что он указывает на своего папу, члена-корреспондента.

– Репетиторы, – сказал он.

Я очень мягко сказал, что здесь нужна целая дивизия репетиторов. Гений согласился.

– У меня хорошая кратковременная память, – признался он. – Я могу выдолбить наизусть, как стихи.

И он неожиданно начал читать на память:

– «Есть и в моем страдальческом застое часы и дни ужаснее других… Их тяжкий гнет, их бремя роковое не выскажет, не выдержит мой стих…» Это Тютчев. Это я понимаю… – с тоской сказал он.

И он прочитал стихотворение до конца. Читал он хорошо, с чувством.

– Хотите еще? – спросил он. Я в растерянности кивнул. Гений прочитал Пушкина, Блока, кого-то еще. Мне стало грустно, нахлынули разные мысли. Я решил остановить Гения. Все-таки у нас урок математики, а не вечер поэзии.

– А почему вы не выбрали что-нибудь погуманитарнее механико-машиностроительного факультета? – спросил я.

– Папу там все знают. Они у него учились… Он считает, что стихи – это не занятие для человека.

– Что же мы будем делать?

– Нам главное – решить упражнения. К сессии я теорию выучу, – сказал Гений.

– Решения объяснять? – спросил я.

Гений страдальчески взглянул на меня.

– Я вам лучше стихи буду читать, – попросил он.

И я принялся за работу. Я передвинул к себе задачник Бермана и принялся щелкать интегралы. Я работал профессионально, с чувством некоторой гордости. Гений никуда не отходил, он смотрел в тетрадку и шептал стихи:

– «Не растравляй моей души воспоминанием былого, уж я привык грустить в тиши, не знаю чувства я другого. Во цвете самых пылких лет все испытать душа успела, и на челе печали след судьбы рука запечатлела…» Баратынский, – комментировал он. – Поэт первой половины прошлого века.

Надо сказать, у Гения был безукоризненный поэтический вкус. Таким образом, мы повышали уровень друг друга. Я рос гуманитарно, а Гений математически. Хотя правильнее будет сказать, что каждый из нас безуспешно пытался приобщить другого к недоступной ему красоте.

После стихов и интегралов я шел на машину и бился с «бесконечно подлым». Пока перевес был на его стороне.

Когда папы не было дома, Гений брал гитару и тихонько напевал мне романсы. Под романсы дело шло еще быстрее. Скоро я перерешал все интегралы из задачника, и Гений стал приносить мне другие, которые выдавал ему преподаватель в институте.

Таким образом мы провели с ним две недели по два часа на урок. Всего двенадцать занятий, или сутки чистого времени. Интегралы стали иссякать. Под конец мы все чаще беседовали о жизни. Моя симпатия к Гению очень выросла. Я полюбил это детское существо с нежной поэтической душой. Одно я понял ясно: инженером Гений никогда не станет. Мне было непонятно, зачем он досиживает институт до конца, а родители гробят деньги на репетиторов.

Гений сам писал стихи. Он показывал их мне. Стихи были элегические.

– Если станешь поэтом, смени, пожалуйста, имя, – сказал я.

– Понимаю, – сказал он.

На последнее занятие он притащил мне всего один интеграл. Этот интеграл с большим трудом раздобыл преподаватель. У нас с ним был заочный поединок. Сумеет ли он составить интеграл, который я не смогу взять? Я за две недели гигантски повысил свой класс.

– Он сказал, что этот пример из университета, – доложил Гений.

– Посмотрим! – бодро сказал я.

Гений запел «Выхожу один я на дорогу», а я приступил к интегралу. Я затратил на него сорок пять минут. Когда я нарисовал ответ и обвел его жирным овалом, что-то в интеграле показалось мне знакомым. Я присмотрелся повнимательнее и убедился, что если заменить переменную, то интеграл превратится в моего любимого «бесконечно подлого змея».

Почти не дыша я проделал эту операцию.

У меня получился ответ. Получилась функция, довольно сложная, зависящая от нескольких параметров, но без особенности. Особая точка исчезла! Это означало, что с бесконечным змеем было покончено!

– Гений! – прошептал я.

– А? – отозвался Гений.

– Это я гений! Понимаешь?.. Я два месяца мучался с этим интегралом на работе, а тут решил его как учебный пример! Невероятно!

И мы с Гением спели вместе «Эх, раз! Еще раз!..» Оба были счастливы.

На шум прибежала мама Гения.

– Мама, мы все решили, – сказал Гений.

– Ах, я не знаю, как вас благодарить! – сказала мама и пригласила меня в другую комнату. Там, немного помявшись, она сказала:

– Петр Николаевич, мне хотелось бы знать, какова ваша преподавательская ставка в час?

– Рубль, – подумав, сказал я. Мне показалось, что эта ставка наиболее подходит.

– Ну что вы… Что вы… – забормотала она. – Нужно ценить свой труд.

Она достала из ящика письменного стола конверт, быстро отвернулась, проделала с ним какую-то манипуляцию и вручила конверт мне. Я поблагодарил и сунул его в карман.

Потом я прощался с Гением, с мамой, с членом-корреспондентом и собакой и вышел на лестничную площадку. В кармане шевелился конверт. Он мешал мне идти. Я вынул его и пересчитал деньги. В конверте было семьдесят два рубля. Таким образом я узнал, что моя преподавательская ставка составляет три рубля в час.

Но даже эта тихая радость не могла заслонить чудо расправы с «бесконечно подлым змеем».

В тот вечер я не пошел на машину, а понесся домой вносить исправления в программу. Я чувствовал, что победа близка. Голос Гения распевал во мне марши.

– Ничего удивительного! – сказал Чемогуров, когда узнал о моем достижении. – А ты думал, стихи – это так? Сотрясение воздуха?.. Они вдохновляют, вот что они делают! Скажи спасибо своему Гению.

Миг удачи

Какое это было счастье! Кто его не испытал, тот не поймет.

Машина стала выдавать результаты. Я ходил к ней, как на праздник, начищенный, умытый и наглаженный. Я влюбился в нее, как Крылов в свою Вику. Машина превратилась в вежливое и понятливое существо. Кокетливо помигав лампочками, она печатала мне изотермы.

Изотермы появлялись на широком белом рулоне, который медленно выползал из АЦПУ. Они имели вид концентрических эллипсов. Эллипсы распускались, как бутоны роз. Я плясал возле АЦПУ и время от времени подбрасывал в устройство ввода новые исходные данные. Как дрова в печку.

За несколько дней я теоретически сварил лазером все возможные сочетания металлов, для любых толщин и конфигураций деталей. Вольфрам с титаном, титан с ванадием, сталь с латунью и тому подобное.

Рулоны с изотермами и другими данными я приносил в нашу комнату и сваливал у себя на столе. Довольный Чемогуров рассматривал изотермы и что-то бормотал. Кроме того, он снабжал меня все новыми и новыми параметрами.

Наконец параметры кончились. Мне казалось, что я обеспечил лазерную технологию на много лет вперед.

В нашей комнате появился незнакомый человек. Его привел Чемогуров. Он был седой, с короткой стрижкой и лицом боксера. Широкие скулы и приплюснутый нос. Звали его Николай Егорович.

Николай Егорович занял стол Крылова. Сам Крылов уже давно исчез. Его потерял из виду не только я, но и Мих-Мих, и даже Сметанин. Никто не знал, где Крылов и чем он занимается. Сметанин высказывал предположение, что Крылов готовится к свадьбе.

Николай Егорович зарылся в рулоны. Предварительно он очень вежливо испросил мое согласие. Я согласился. Он что-то выписывал в тетрадку, накладывал изотермы одна на другую и считал на логарифмической линейке. Мне он не мешал.

Сметанин, который жил теперь с Милой у профессора и продолжал разыгрывать фиктивный брак, рассказал Юрию Тимофеевичу о моем успехе. Профессор пришел ко мне и долго разглядывал изотермы.

– Поздравляю, Петя, – сказал он. – Теперь нужно срочно написать отчет по теме и лететь с ним в Тбилиси. – Пишите с таким расчетом, чтобы это вошло потом в дипломную работу.

– Ясно, – сказал я.

Я засел за отчет. В первой главе я описал метод решения, во второй изложил применявшиеся численные методы, в третьей дал сведения о программе. Приложением к отчету были

изотермы и другие кривые, характеризующие режимы сварки. Я сам их начертил на миллиметровке, вкладывая в дело душу. Получился капитальный труд.

Зоя Давыдовна перепечатала его в пяти экземплярах на машинке. На титульном листе значилось: «Научный руководитель темы» (подпись профессора) и «Ответственный исполнитель» (моя подпись). Это выглядело шикарно. Я подумал, что в последних двух словах решающим является первое: «ответственный». Мне было очень радостно, что оно перевесило слово «исполнитель».

Отчет переплели в коленкор и снабдили золотым тиснением. Я носил его с собой, не в силах расстаться.

Мой пыл, как всегда, охладил Чемогуров.

– Не думай, что ты герой, – сказал он, листая отчет. – По-настоящему твоего в этом томе – только подпись и две-три идеи. Остальное – интерпретация… А профессор был прав, – добавил он.

– В чем? – спросил я.

– В том, что взял тебя. Понимаешь, когда шли споры, кому всучить договор, он потребовал отчеты о лабораторных работах всей вашей группы. Твои отчеты были самыми аккуратными. Ты лучше всех рисовал кривые, да еще цветной тушью… «Вот человек, который мне нужен!» – сказал тогда Юрий Тимофеевич. И действительно – на отчет приятно смотреть.

Нет, разве можно так плевать человеку в душу, я вас спрашиваю?

– Да ты не обижайся, – сказал Чемогуров. – Я тоже в тебе не ошибся. Все-таки две-три идеи – это не так мало, как ты думаешь. Возможно, инженером ты станешь.

Я стал оформлять командировку в Тбилиси. Оформление было довольно хитрым, потому что студентам командировки не полагаются. Мне выписали материальную помощь, чтобы я смог слетать туда и обратно. Юрий Тимофеевич вручил мне акты о приемке договора в нескольких экземплярах. Я должен был подписать их в Тбилиси и скрепить печатями.

Но прежде, чем я улетел, случилось одно событие. На первый взгляд, незначительное. Мне позвонили из одного НИИ и предложили выступить с докладом по моей теме. Я недоумевал, откуда они узнали.

Когда я туда пришел, меня встретил Николай Егорович. Мне оформили пропуск, и Николай Егорович повел меня по территории. Это был огромный завод вакуумных приборов. НИИ был при нем.

Сначала Николай Егорович провел меня в цех, где изготовлялись детали приборов. Я своими глазами увидел лазерную сварку, над которой бился уже несколько месяцев. Это зрелище мне очень понравилось. Везде была чистота, микроскопы, микрометрические винты и так далее, а луч лазера выжигал на поверхности металла маленькую точку.

Потом мы прошли в зал, где было человек пятнадцать народу.

Николай Егорович представил меня и дал слово. Я говорил полчаса, а потом еще час отвечал на вопросы. Я был готов расцеловать этих, в общем-то, довольно хмурых людей. Я первый раз почувствовал, что сделал работу, которая кому-то нужна. Но тут же выяснились и другие, менее приятные вещи.

Во-первых, мой метод не годился для жестких режимов сварки. Были у них там такие странные режимы. Во-вторых, погрешность вычислений в областях, близких к центру луча, была слишком велика. Я обещал подумать и внести коррективы в метод.

– Ну что? – сказал Чемогуров на следующий день.

– Немножко раздолбали, – сказал я.

– Угу, – удовлетворенно сказал он. – И что же дальше?

– Есть идея. Можно внести поправку.

Чемогуров ничего не сказал, но мне показалось, что он доволен. Я взял билет на самолет и полетел в Тбилиси, предвкушая новый триумф.

В объятиях заказчиков

С отлетом вышла маленькая заминка. Часов на восемь. Самолет, который должен был доставить меня в Тбилиси, задержался. Я слонялся по аэропорту, по десять раз подходя к киоскам «Союзпечати» и сувениров. Время от времени я обращался в справочное бюро. Девушка в синей форме говорила: «Ждите». Я ждал. Потом я нашел мягкое кресло и задремал. Когда я проснулся, выяснилось, что самолет уже улетел. Меня стали пристраивать на другой самолет. Это было скучно и неинтересно.

Самое главное, что в Тбилиси меня теперь не могли встретить. Они знали только тот рейс, который я пропустил. Его я сообщил накануне телеграммой. Мне уже так надоело вылетать, что было все равно.

Наконец меня посадили куда-то, и мы полетели. Лететь тоже было неинтересно. Под нами были только облака. Три часа я передвигался над ними со скоростью восьмисот километров в час или что-то около того. Потом мы сели. Никаких цветов, делегаций и приветственных речей. Я нашел автобус и поехал в город.

В Тбилиси было еще тепло. Я вышел из автобуса и прочитал название улицы. Улица называлась «Проспект Шота Руставели». Было уже около десяти часов вечера. По проспекту двигались нарядные толпы. Все говорили по-грузински. Я стоял с портфелем на тротуаре, не в силах начать расспросы. Мне казалось, что меня просто не поймут.

У меня был записан лишь номер служебного телефона Меглишвили. Однако сейчас он был бесполезен.

Я побрел по проспекту и набрел на гостиницу. Там я стал объяснять положение немолодой грузинке, администратору гостиницы. Я размахивал почему-то актами о приемке договора и во всем обвинял «Аэрофлот».

– Вах! – сказала она. – Ну что мне с тобой делать? Живи, конечно! До завтра, – добавила она.

И я поселился до завтра в номере на двоих, удачно сочетавшем восточную экзотику с европейским комфортом. Экзотика состояла в чеканке, украшавшей стену, и запахе шашлыка, доносившемся из ресторана снизу. Комфорт заключался в телефонном аппарате и двух кроватях с подушками. Я рухнул на одну из них, стараясь не обращать внимания на шашлычный дух.

Проснулся я от сильного храпа. Было уже светло. На соседней кровати спал человек, с головой завернутый в одеяло. Я сел на кровати, и в тот же момент храп прекратился. Потом из-под одеяла появилось лицо с усами. Лицо уставилось на меня лучезарным взглядом и что-то сказало по-грузински.

– С добрым утром! – сказал я.

Лицо подмигнуло мне, затем из-под одеяла высунулась волосатая рука и принялась шарить под кроватью. Она извлекла оттуда бутылку коньяка и поставила на тумбочку. Вопросительно взглянув на меня, лицо снова подмигнуло.

– Я из Ленинграда, – зачем-то сказал я.

– Цинандали, – сказал человек очень доброжелательно. Я не совсем понял. То ли его фамилия была Цинандали, то ли он оттуда приехал. Он спустил ноги на пол и протянул мне руку.

– Автандил, – сказал он. – Можно Авто.

– Петр, – сказал я. – Можно Петя.

Ноги у него были такими же волосатыми, как и руки. Вообще, он был очень волосатый. На вид ему было лет сорок пять. Ни слова больше не говоря, Автандил босиком подошел к умывальнику и вымыл два стакана. Из одного он предварительно вытряхнул зубную щетку. Поставив стаканы рядом с коньяком, он заполнил их на две трети.

– Пей! – сказал он.

Я поднес стакан ко рту.

– Стой! – воскликнул он. Потом приподнял свой стакан, сделал им приветственный взмах и сказал с сильным акцентом:

– Будем знакомы… Автандил. Можно Авто.

– Петр, – повторил и я. – Будем!

Мы выпили. Автандил снова полез под кровать и вытащил оттуда связку коричневых колбасок на ниточке. Колбаски были сладкие. Внутри у них были орешки на ниточке. Мы стали есть колбаски и разговаривать.

Вскоре мы уже сидели на кровати Авто в обнимку и пели:

– Тбилисо! Мзизда вардебис мхарео…

Причем я пел по-грузински лучше, чем он. Он пел с акцентом. Потом Авто спросил:

– Ты зачем здесь?

– И правда! – вспомнил я. – Надо позвонить.

Я набрал номер телефона и сказал не очень твердо:

– Будьте добры товарища Мегли… швили…

– Я у телефона, – ответил трубка.

– Говорит Верлухин. Я в Тбилиси…

– Где?! – крикнула трубка так пронзительно, что Авто покрутил головой. Я назвал гостиницу и номер. В трубке послышались прерывистые гудки. Я не успел вернуться к Авто, как Меглишвили уже вбегал в номер, распахивая на ходу объятия. Так быстро он мог доехать только на пожарной машине или на «скорой помощи». Он расцеловал меня, как родного, даже интенсивнее, а заодно расцеловал и Автандила. Автандил тут же полез за бутылкой. Пол под его кроватью был выстлан бутылками коньяка. Это было очень удобно. Выяснилось, что Меглишвили зовут Гия, и он тут же к нам присоединился.

Через некоторое время пришла горничная и стала меня выселять. Меглишвили вышел с ней на пять минут. Вернувшись, он сказал:

– Неделю можешь жить! Год можешь жить! Сколько хочешь, можешь жить! Никто не тронет.

Потом та же горничная внесла в номер поднос, на котором была гора фруктов. Мы в это время с Гией плясали лезгинку, а Автандил очень умело выбивал ладонями ритм на тумбочке.

Последнее, что я помню в этот день, – это мои слова:

– Акты… Я привез акты…

– Акты-факты! – закричал Гия. – Акты-факты-контракты!

– Диверсанты… – не в рифму сказал Авто.

Когда я открыл глаза, уже снова было утро. Я лежал в своей постели раздетый, а надо мной склонялись Гия и Авто. Лица у них были отеческие.

– Как голова? – поинтересовался Гия.

Голова, как ни странно, не болела. Я умылся, надел рубашку и галстук, и мы поехали к Зурабу Ираклиевичу. Авто не поехал. Он сказал, что подождет нас в номере.

Гия повез меня на своей «Волге». По дороге он рассказывал вчерашние приключения. Оказывается, мы ужинали в ресторане гостиницы, где я пошел в оркестр и исполнил несколько русских романсов под аккомпанемент. Гия сказал, что мне жутко аплодировали.

– Какие романсы? – спросил я.

– «Выхожу один я на дорогу», «Гори, гори, моя звезда…»

– Понятно, – сказал я. Это был репертуар Гения.

Мы подъехали к институту. Это было очень высокое и узкое здание. Мой пропуск уже дожидался в проходной. Меглишвили повел меня по лестнице, мы куда-то повернули и очутились в приемной Зураба Ираклиевича. Приемная была размером с баскетбольную площадку.

В одном ее углу находился небольшой бассейн с золотыми рыбками. Пол был устлан коврами. Гия что-то сказал секретарше, и та исчезла за дверью, к которой была привинчена табличка: «Директор Зураб Ираклиевич Харахадзе». Табличка была из бронзы. Секретарша появилась через пять секунд и жестом пригласила нас в кабинет.

Зураб Ираклиевич сидел за столом. В руке у него была курительная трубка. Он мне напомнил одного своего соотечественника, очень популярного в свое время. В кабинете было все, что нужно для жизни. Цветной телевизор, бар, кресла, диваны, журнальный столик, книжный шкаф, натюрморты на стенах и тому подобное.

Мы тепло поздоровались, и я вынул из портфеля три экземпляра отчета.

– Вот, – скромно сказал я. – Нам удалось кое-что сделать.

Зураб Ираклиевич взял отчет и взвесил его в руке. Потом он перелистал его, выражая удивленное внимание. Меглишвили делал в это время то же самое, пользуясь вторым экземпляром отчета. Зураб Ираклиевич нажал кнопку и сказал в микрофон:

– Чхилая ко мне.

В кабинете возник Чхилая. Он почтительно взял отчет и стал рассматривать кривые, цокая языком.

– Как ви оцениваете? – спросил Зураб Ираклиевич.

– Именно то, что нам нужно, – быстро сказал Чхилая.

– Ми тоже так думаем, – сказал Зураб Ираклиевич.

Он взял все три экземпляра, подошел к книжному шкафу, открыл его ключом, поставил отчеты на полку и снова закрыл шкаф. По тому, как он это делал, я понял, что отчеты никогда больше не покинут этого шкафа.

– Ви свободны, – сказал он Чхилая. Тот провалился.

Зураб Ираклиевич взял меня за локоть и повел по направлению к бару, расспрашивая о Юрии Тимофеевиче, о его здоровье и прочем. Я стал рассказывать о свадьбе Милы. Это всех заинтересовало. Щелкнули автоматические дверцы бара, засияли зеркальные стенки, заискрились вина и коньяки.

– Что будете пить? – спросил Зураб Ираклиевич.

– Замороженный дайкири, – сказал я, вспомнив один из романов Хемингуэя.

Зураб Ираклиевич слегка склонил голову, оценив во мне знатока. Мой заказ не застал его врасплох. Двигаясь на редкость элегантно, он приготовил три дайкири, и мы уселись за столик, потягивая коктейли из соломки. На столике лежали сигареты «Филип Моррис» в коричневой пачке. Разговор шел о погоде, тбилисском «Динамо» и грузинских марках коньяка. Некоторые мы тут же дегустировали. Никто не заикнулся о моей работе. Будто ее и не было.

– Да, чуть было не забыл! – сказал я. – Нужно оформить акты.

Я достал бланки. Зураб Ираклиевич изучил их и положил к себе на стол.

– Завтра вам передадут, – сказал он. – Ну, что же… Вам надо познакомиться с Тбилиси. Гия, чтобы все было… понимаешь?

Гия понимающе зажмурил глаза.

С этого момента я провел в Тбилиси еще тридцать восемь часов, как потом выяснилось. Вот что я запомнил.

Мы попрощались с Зурабом Ираклиевичем. Это я помню очень хорошо. Дальше появились две девушки, сотрудницы Гии. Их звали Нана и Манана. Я их все время путал. Откуда ни возьмись, опять возник Автандил. Он был набит бутылками коньяка и деньгами. В тех карманах, где не было денег, был коньяк, и наоборот.

Помню почему-то церковь. Мы туда заходили. В какое время и зачем, не помню. Еще помню театр оперы и балета. Автандил сидел в буфете, а мы с Гией смотрели балет. Нана с Мананой куда-то исчезли. Зато сзади сидел целый ряд девушек из медицинского училища. Я стал знакомиться. Они по очереди называли свои имена:

– Элико, Темрико, Сулико…

Это звучало, как песня. Я запоминал. Знакомство вызвало оживление в зале. Дальше мы вышли на проспект Руставели, и без всякого перехода Автандил упал на колени перед горничной в гостинице, приглашая ее на танец. Ему хотелось, чтобы она обежала вокруг него легкими шагами.

Глаза Гии Меглишвили, которые и так располагались очень близко, слились в один блестящий веселый глаз. Гия стал симпатичным циклопом.

Один из этих бесконечных часов мы посвятили перестрелке в ресторане. Автандил обстреливал соседний столик бутылками коньяка в геометрической прогрессии. Соседи пытались бороться, но Автандил выиграл ввиду явного преимущества.

– Зачем ты сюда приехал? – допытывался я у Автандила.

– А! – восклицал он, делая взмах рукой. – Я знаю, да?

Потом мы почему-то оказались на горе Мтацминда. Это такая знаменитая гора, которая установлена прямо над городом. Обратно мы ехали на фуникулере, распевая песни. Собственно, пел весь фуникулер. От песен его очень качало. Интересно, что туда мы не ехали на фуникулере. Как мы оказались на горе, мне неясно и сейчас.

Последний аккорд гостеприимства был, вероятно, самым громким и ликующим. К сожалению, я его не помню совсем. Я очнулся в самолете, на высоте десяти тысяч метров. Передо мной стояла стюардесса, наблюдая за процессом моего пробуждения. В руках у меня был большой рог с отделкой из серебра и на серебряной цепочке. В роге было еще много вина. Из нагрудного кармана, наподобие платочка, торчали сложенные бумажки. Я развернул их и убедился, что это подписанные акты о приемке договора.

Акты юридически удостоверяли, что я выполнил научную работу на двадцать тысяч рублей.

– Гражданин, – сказала стюардесса. – Пристегнитесь.

– Зачем? – спросил я.

– Идем на посадку.

Я допил вино из рога и пристегнулся. На роге я заметил серебряную пластинку с гравировкой: «Другу Петру от друга Автандила с большой любовью. Чтоб жизнь твоя всегда была полна, как этот рог!»

Когда он успел это сделать?

Теперь, когда меня спрашивают, бывал ли я в Тбилиси, я всегда нерешительно отвечаю: «Да как сказать…»

И действительно, как сказать?

Распределение

Я прилетел как раз вовремя. Начиналось самое главное.

На кафедре вывесили листок с местами распределения. Места уже были известны, благодаря моим стараниям. Несмотря на это, группа толпилась возле листка и снова занималась обсуждением. Ходили самые невероятные слухи. Кто-то утверждал, что в Новгороде дают квартиру. Сметанин заявил, что в одном почтовом ящике, который фигурировал в списке, квартальная премия больше зарплаты за тот же период.

Я пришел в нашу комнату и показал Чемогурову акты.

– Они даже отчет как следует не посмотрели, – сказал я.

– Ты наивный человек, – сказал Чемогуров. – У них оставались лишние двадцать тысяч рублей. Приближался конец года. Вот они их и потратили. Все довольны – и они, и мы.

– Я недоволен, – сказал я.

– Ты тщеславен, – заявил Чемогуров. – Кстати, могу сообщить, что тебя оставляют на кафедре. Вместе с Крыловым. Его в аспирантуру, а тебя мэнээсом.

– Кем?

– Младшим научным сотрудником. Сто пять рэ… Юрий Тимофеевич уже подыскивает для тебя новый договор.

Я пошел потолкаться у объявления. Видимо, все уже знали о решении профессора. Никто не интересовался моими планами и надеждами.

Мимо объявления быстро прошел Крылов. Вид у него был ужасный. Глаза ввалились, волосы были в беспорядке, руки болтались, как у куклы. Сметанин окликнул его, но Крылов не отозвался, а прошел в нашу комнату. Я последовал за ним.

– Ты чего? – спросил я.

Крылов проглотил слюну, двигая острым кадыком.

– Отстань, – сказал он.

– Женишься, что ли? – продолжал я.

Крылов схватил со стола тетрадь и запустил в меня. Я увернулся. Тетрадь пролетела мимо и ударилась в лоб Мих-Миху, который как раз входил в комнату. Мих-Мих и бровью не повел. Он нагнулся за тетрадью, а Крылов, даже не извинившись, отвернулся к окну.

– Слава, – сказал Мих-Мих, – возьми себя в руки. Неужели из-за этой…

– Чего вам всем надо?! Чего вы все ко мне лезете?! – в отчаянии завопил Крылов и бросился вон из комнаты.

Из-за интегратора вышел Чемогуров, и мы устроили небольшой симпозиум. Мих-Миху был известен диагноз. Он его нам сообщил. Крылов переживал разрыв с Викой. У него наконец открылись глаза, чему Вика в немалой степени способствовала. Она выкинула следующий номер.

В мое отсутствие она пошла в гости к Сметанину и Миле. Там было чаепитие с профессором, во время которого Вика пыталась повлиять на распределение. Она очень мило болтала и как бы невзначай давала всем характеристики. У нее был свой средний балл оценок для нашей группы. В частности, я был назван эгоистом и неуживчивым человеком. Крылова Вика характеризовала как талантливого, но неуправляемого. Сметанин же оказался покладистым и преданным делу работником. Вика о себе умолчала, но ее дополнил Сметанин. По его мнению, она могла влиять на Крылова в нужную сторону.

Во всем этом была известная доля истины.

Короче говоря, они дали понять профессору, что кафедра нуждается в верных ему людях. Если таланту Мих-Миха прибавить талант Крылова да мой индивидуализм, неизвестно что может получиться. А тут еще вечный оппозиционер Чемогуров, под влияние которого я попал. Следовательно, нужно было оставить Крылова в аспирантуре, но для равновесия и лучшего морального климата взять на кафедру Сметанина и Вику.

Это не было сказано прямо, но профессор понял. Большая политика делалась тонко, под звон серебряных ложечек.

Надо отдать должное Юрию Тимофеевичу. Он холодно выслушал Вику и удалился в свой кабинет. На следующий день он вызвал Крылова вместе с Мих-Михом и изложил им результаты чаепития. Профессор не побоялся вторгнуться в личную жизнь Славки, как побоялся сделать я.

– Она далеко пойдет, – заметил Чемогуров.

– Может быть. Только не у нас на кафедре, – сказал Мих-Мих.

У Крылова было объяснение с возлюбленной. Что они там говорили, никто не знает, но Славка после этого стал невменяем. Он замкнулся и ни с кем не разговаривал.

Такова была обстановка перед распределением.

Группа пока ничего не знала. Естественно, что Сметанин и Вика помалкивали.

Наконец наступил день распределения. Оно проходило в конференц-зале института, где обычно заседал ученый совет. С утра мы собрались в коридоре под дверями. Нас возглавляла Зоя Давыдовна, у которой был список.

Без четверти десять в зал стали собираться люди. Пришли заместитель ректора, профессор Юрий Тимофеевич, Мих-Мих. Было много незнакомых. Зоя Давыдовна объяснила, что это представители предприятий.

По коридору прошел коренастый человек в унтах и тоже вошел в конференц-зал.

– Это из Кутырьмы, – сказал Зоя Давыдовна.

В группе произошло замешательство, особенно в той ее части, которая замыкала список.

– Мы поедем, мы помчимся на оленях утром рано… – пропел Сметанин. Теперь он чувствовал себя в безопасности.

В десять часов Зоя Давыдовна пригласила в зал Славку. Он вошел спокойно и безучастно. Вообще, в это утро он ни на кого не смотрел.

Мы прильнули к дверной щели. Кто ухом, кто глазом. Ничего не было видно, да и слышно тоже.

Через пятнадцать минут дверь открылась, и Крылов вышел. Такой же прямой, будто проглотивший аршин. Вика старалась на него не смотреть. У нее на лице были красные пятна.

– Ну что? – выдохнули все, хотя распределение Славки было делом решенным.

Крылов пожал плечами. Тут же из зала вылетел Мих-Мих. У него были круглые глаза. Он подбежал к Славке сзади и два раза тряхнул его за плечи.

– Ты соображаешь, что ты наделал! Это же не только твое личное дело! Ты ставишь под удар работу! – свистящим шепотом произнес он.

Мы застыли, не понимая. Мих-Мих обвел нас взглядом и сказал с горечью:

– Он распределился в Кутырьму! А что я мог сделать?..

Я посмотрел на Вику. До нее доходил смысл сказанных слов. Только теперь она, кажется, поняла, что разрыв со Славкой – это серьезно. Навсегда.

В зал вошел следующий. А оттуда выскочил довольный человек в унтах. У него были причины радоваться. Во-первых, он быстро освободился, вопреки ожиданиям, а во-вторых, получил лучшего молодого специалиста. Он подошел к Славке, пожал ему руку, и они стали о чем-то разговаривать. Крылов улыбался.

Когда подошла моя очередь, я вошел в зал и узнал, что мне предлагает работу Министерство высшего и среднего специального образования. Министерство направляло меня в распоряжение нашего института. Я решил не отказываться, это было бы теперь не оригинально. Мне подсунули большой лист, и я расписался. В одной из граф на листе значилось: «жилплощадь не предоставляется». Я не знал, что в таких случаях нужно говорить, и сказал спасибо.

После этого я пошел на кафедру. В нашей комнате, кроме Чемогурова, находились Крылов с представителем Кутырьмы. Чемогуров участвовал в их беседе.

– А рыбалка! – кричал сибиряк. – Да разве у вас здесь… Ты рыбак?

Славка помотал головой.

– Значит, будешь! – заявил человек в унтах.

– Так. А грибы? – поинтересовался Чемогуров.

– Ха! Косой косим.

– Ну ладно. А все-таки чем вы там, кроме охоты, рыбалки и грибов, занимаетесь? – спросил Чемогуров.

– Ну, шишки кедровые берем…

– Нет, на работе, – уточнил Чемогуров.

– Ах, на работе, – протянул сибиряк. Он окинул Славку и Чемогурова хитрым взглядом, посмотрел на меня и сказал Славке:

– Приедешь – узнаешь. Я же кадровик. Я в ихних научных делах ничего не понимаю… Жилье дадим.

– Отчаянный ты человек, Крылов, – сказал Чемогуров. – И ты, Петя, тоже отчаянный, – добавил он, заметив меня. – Небось, пошел в младшие научные?

– Ну, пошел, – сказал я.

– А то давай к нам в Кутырьму! – оживился сибиряк, обращаясь ко мне. – У нас всем места хватит.

Я поблагодарил, но отказался.

К вечеру стали известны другие итоги распределения. Никаких неожиданностей больше не было. Сметанин «сыграл в ящик», как у нас говорили. Вика пошла в заводскую лабораторию.

Таким образом и решилась наша судьба. Славка молодец, он сжег мосты и сразу вышел из транса. Теперь он смотрел только в будущее. Оно состояло из полутора месяцев до защиты и всей трудовой жизни после.

Happy end

После распределения все затаились, изготовляя в тиши дипломные работы. Нужно было обработать материал, написать обзор литературы, начертить демонстрационные листы.

Я купил специальную папку и тщательно переписал в нее грузинский отчет, снабдив его литературным обзором. Оставшееся время я употребил на то, чтобы усовершенствовать метод и внести изменения в программу. В диплом это уже не вошло. Я рассчитал несколько режимов новым методом и передал результаты Николаю Егоровичу. Теперь я уже знал, что числовые параметры, которыми меня снабжал Чемогуров, не были им придуманы, а поступали с завода вакуумных приборов. Николай Егорович оказался хитрее всех. За грузинские деньги он получил кучу расчетных данных.

Потом я красиво начертил демонстрационные листы к защите. Я чертил себе и Крылову. У Славки, как у всякого гения, была неприязнь к оформительской работе.

Мы с Крыловым записались на защиту в один день. За неделю до защиты у нас началось предстартовое волнение. Это был последний приступ всем известной студенческой болезни «Ой, завалю!».

Традиция это, что ли? Я, например, твердо знал, что только полная и внезапная немота на защите может помешать мне получить «отлично». Отзыв профессора был панегирическим. Рецензия содержала лишь одно замечание: на странице 67 рецензент обнаружил ошибку в слове «вакуум». Я написал его через три «у»: «вакууум». Так же обстояли дела у Крылова. И руководитель, и рецензент дружно рекомендовали его в аспирантуру.

И все равно мы тряслись, больше для порядка, придумывали самые дурацкие вопросы за членов комиссии и пытались на них ответить. Правда, некоторые из них действительно прозвучали на защите. Был у нас в комиссии один специалист по нестандартным вопросам, некто доцент Хомяков с соседней кафедры.

В день защиты мы со Славкой раньше всех пришли в аудиторию, где должна была заседать комиссия. Аудитория была обыкновенная, в ней у нас раньше проходили семинары по философии. Но вот появилась Зоя Давыдовна с красной скатертью и графином с водой. Она накрыла стол и поставила графин. Аудитория сразу преобразилась. Я развесил свои листы, взял в руки указку и принялся нервно ходить перед столом, повторяя в уме первую фразу: «Дипломная работа посвящена…» И так далее.

Скоро пришли члены комиссии. Председателем был главный инженер того завода, где я выступал с докладом. Это был плюс. В комиссию входили также Юрий Тимофеевич, Мих-Мих, доцент Хомяков и другие. Все они расположились за столом. Позади уселись зрители,

среди которых были Чемогуров, Николай Егорович, какой-то высокий тип, который мне сразу не понравился, и кое-кто из нашей группы.

Зоя Давыдовна встала и прочитала все обо мне. Кто я такой и как учился в институте. Председатель положил перед собой часы и сказал:

– Вам дается пятнадцать минут.

Я начал говорить. Пятнадцать минут пролетели как один миг. Я мог бы рассказывать еще и еще, но председатель сказал:

– У вас осталась одна минута.

Я быстренько закруглился. Потом задал вопрос Мих-Мих. Этот вопрос он мне уже задавал однажды в нашей комнате. Я ответил на него так же, как тогда. Мих-Мих удовлетворенно кивнул. Доцент Хомяков прищурился, вглядываясь в формулы на листе, и сказал:

– Вот там у вас под интегралом синус… Каков период синуса?

– Два пи, – коротко сказал я.

– Так-с, – сказал доцент, и я понял, что это только разминка. Как в клубе веселых и находчивых. – А напишите-ка мне формулу закона Ома… А то, знаете ли, у нас некоторые выпускники интегральные уравнения применяют, а закона Ома, да-да…

Я нарисовал формулу закона Ома.

– Чудесно! – сказал Хомяков. – А чему равен заряд электрона?

Я ужасно разозлился и сказал:

– Это можно узнать в справочнике по элементарной физике.

Хомякову ответ не понравился. Он обвел взглядом комиссию и продолжал:

– Вот вы произвели расчеты тепловых процессов при сварке лазером. Что вы можете сказать о происхождении слова «лазер»?

Я совсем рассвирепел и сказал чрезвычайно вежливо:

– Это слово английского происхождения. Так же, как слова «мазер», «фазер» и «бразер». Ду ю андерстенд?

Дальше я продолжал на вполне сносном английском. Я объяснил Хомякову, что слово «лазер» является аббревиатурой и составлено из первых букв нескольких английских слов, объясняющих принцип действия этого прибора. Этой наглой выходкой я убил доцента. По-моему, он ничего не понял из моей речи. Я видел, как в заднем ряду корчится от смеха Чемогуров. Да и члены комиссии едва сдерживались.

– Есть ли еще вопросы? – спросил председатель.

– Разрешите мне? – спросил высокий тип из зрителей.

И он вдруг принялся ругать мою работу, потому что я, на его взгляд, применил неверный метод и некорректно расправился с «бесконечно подлым змеем». Я растерялся. Этого я не ожидал. Я никак не мог понять, что плохого я сделал этому человеку. Зачем он не поленился прийти на мою защиту и хочет меня закопать?

Я что-то неубедительно промямлил в ответ. Но тут встал Николай Егорович и тоже попросил разрешения выступить. Он сказал:

– В дипломной работе не ставилась задача экспериментальной проверки расчетов. Могу сказать, что мы провели ее на заводе. Совпадение экспериментов с расчетными данными значительно выше, чем в случае методов, применявшихся ранее. Результаты изложены в нашей общей с дипломантом статье…

Он вынул из кармана какие-то брошюрки и передал их в комиссию. Я разглядел, что это отдельные оттиски статьи из научного журнала. Над статьей стояли две фамилии: моя и Николая Егоровича.

Это был козырной туз. Мой недоброжелатель сник. Меня спросили, не хочу ли я что-нибудь сказать в заключение? Я знал, что в заключение нужно благодарить. Чем теплее, тем лучше. И я сказал:

– Спасибо всем преподавателям, которые многому меня научили. Спасибо моему руководителю Юрию Тимофеевичу, который доверял мне. Спасибо Евгению Васильевичу Чемогурову, который всегда был рядом.

За дверью меня ждала жена с букетом. Я почувствовал себя примой-балериной. Мы наскоро расцеловались и стали развешивать листы Славки Крылова.

Крылов защищался блестяще и вдохновенно. В конце вся комиссия уговаривала его остаться в аспирантуре. Но Славка был непреклонен. Он произносил только одно слово: Кутырьма.

А потом мы все сидели в нашей комнате под шифром 4–67 и пили две бутылки шампанского – Славкину и мою. Были Чемогуров с Николаем Егоровичем, была моя жена, был Мих-Мих. Чемогуров смазал пробки шампанского чернилами и выстрелил ими в потолок. На потолке остались два чернильных пятнышка. Тут только я заметил, что они не одиноки на потолке. Там уже было несколько.

– За седьмого и восьмого дипломантов из нашей комнаты! – сказал Чемогуров. – А вон там, видите, наши с Михал Михалычем отметины…

И мы выпили шампанского. Потом долго обсуждали защиту. Мою английскую речь, Славкину работу, которую все называли «почти диссертацией», и выступление долговязого недоброжелателя. Оказалось, что это самый настоящий научный противник. Он занимался теми же расчетами, только другим методом. Я встал ему поперек пути, не зная этого.

– Наука – жестокая вещь, – сказал Мих-Мих.

– Ну, ребятки, теперь вы инженеры! – сказал Чемогуров, – я в этом почти не сомневаюсь. А кто знает, что такое инженер?

– Я знаю, – робко сказала моя жена.

– Вы? – удивился Чемогуров.

– Мне дочка объяснила, ей три года… Так вот, инженер – это глагол такой. Она где-то узнала про спряжение глаголов и спрягает сейчас все подряд. Очень смешно! Я птица, ты птица, она птица, они птицы… Я ей сказала, что наш папа скоро будет инженером. И она стала спрягать: я инженер, ты инженер, он инженер… Я говорю – неправильно, а она говорит – почему? Ведь складно получается.

– А что? – серьезно сказал Чемогуров. – Она совершенно права. Глагол обозначает действие. А что главное в инженере?.. Тоже действие!

И мы выпили за новый глагол «инженер». Все мы были инженерами, кроме моей жены, которая еще училась на инженера. Поэтому, чокаясь, мы с удовольствием спрягали этот глагол и повторяли, как стихи:

Я – инженер,
Ты – инженер,
Он – инженер,
Мы – инженеры!

Эпилог
Кто где

Со времени нашей защиты прошло уже довольно много времени. Я по-прежнему работаю в институте младшим научным сотрудником, правда, на другой кафедре. Сейчас я занимаюсь экспериментами с лазером под руководством нового шефа.

Профессор Юрий Тимофеевич ушел на пенсию. Заведует моей прежней кафедрой теперь Мих-Мих, который защитил докторскую. По этому случаю он отпустил бороду.

Славка Крылов работает в Кутырьме. Он тоже защитился по физике высоких энергий. В среднем два раза в год он приезжает в Ленинград. По делам или в отпуск. Он начальник отдела в своем институте. В Кутырьме он женился, у него теперь двое детей. Славка называет их «кутырятами».

Ко мне приезжал друг Автандил. Оказывается, я оставил ему свой адрес. Наконец выяснилось, что Автандил – главный винодел совхоза. Несколько дней мы провели по тбилисскому образцу.

Сметанин работает заместителем директора Дворца культуры. Его фиктивный брак успешно продолжается. Дочка Сметанина скоро пойдет в школу. Сметанин выглядит очень деловым. Когда мы с ним случайно встречаемся, он предлагает достать билеты на любую премьеру в любой театр. Но я предпочитаю ходить в кино.

Гения я видел недавно по телевидению. Он пел в вокально-инструментальном ансамбле. У него были длинные волосы и знакомая мне детская улыбка.

Вика работает на том же заводе. Замуж она не вышла. Зато каждое лето ездит за границу. Она общественный деятель. Я ее вижу довольно часто, потому что живет она рядом. При встрече я всегда чувствую себя неловко. Мне не о чем с нею говорить. Про Крылова она не спрашивает.

Когда приезжает Славка, мы идем с ним к Чемогурову. Евгений Васильевич сидит в той же комнате. Шифр на двери уже несколько раз менялся. Электроинтегратор списали, и Чемогуров отгородился большим фанерным плакатом «Храните деньги в сберегательной кассе!». Не знаю, где он его раздобыл. Чемогуров по-прежнему старший инженер. Мы сидим с ним, пьем вино и вспоминаем всю нашу эпопею с защитой дипломов. И с каждым годом нам все грустней и приятней ее вспоминать.

Чернильных пятнышек на потолке теперь пятнадцать.

Эффект Брумма

Пишу письмо

Вообще-то, я в чудеса не верю. От них меня еще в школе отучили. Я верю в науку и прекрасное будущее. Это немного понятнее. Но иногда все-таки чудеса происходят, и с ними необходимо считаться.

Короче говоря, однажды я обнаружил у себя на столе письмо от шефа. Шеф любит со мной переписываться. То есть пишет только он, а я читаю. Шеф часто засиживается в лаборатории допоздна, и тогда ему в голову приходят мысли. Утром я их изучаю. Например, так: «Петя! Подумайте, нельзя ли объяснить аномалии в инфракрасной области межзонным рассеянием». Или что-нибудь в этом роде.

Обычно я не спешу на такие вещи реагировать. Кто его знает – вдруг это бред? Шеф сам так часто говорит. Вернее, кричит, вбегая в лабораторию: «Все вчерашнее бред и чушь собачья!» Почему собачья, я не знаю. Обыкновенная человеческая чушь, каких много. И не самая худшая.

Но на этот раз было нечто новое. На столе лежал почтовый конверт, заполненный фиолетовыми чернилами довольно размашисто. Был написан адрес нашего института, а после словечка «кому» указано просто: «главному начальнику». Ни больше ни меньше.

К письму скрепкой была прикреплена бумажка, на которой располагалась лесенка резолюций.

«Пименову. Разобраться». Подпись ректора.

«Турчину. Проверить». Подпись Пименова.

«Жолдадзе. Ответить в недельный срок». Подпись Турчина.

«Барсову. Ничего не понимаю! Морочат голову». Подпись Жолдадзе.

«П. Верлухину. Петя, ради бога, разберитесь в этой чаче и напишите ответ». Подпись шефа.

Верлухин – это я. Ниже меня в системе нашего института находится только корзина для бумаг. Поэтому я не стал накладывать резолюцию, а обратился к письму. Оно меня заинтересовало.

Тем же самым фиолетовым почерком на шести страницах сообщалось, что автор письма обнаружил электрический ток в кованом железе. В скобках было указано: «подкова». Он ее как-то там нагревал на свечке, отчего и текли токи. И в ту и в другую сторону. Причем большие. Он ими аккумулятор мотоцикла заряжал, а потом полгода ездил. Было написано, что это подтверждает теорию Брумма. Автор попросил повторить эксперимент и дать отзыв на предмет получения авторского свидетельства.

Внизу был адрес. Село Верхние Петушки Ярославской области. Василию Фомичу Смирному.

Я только одного не понял. Откуда в Верхних Петушках известна теория Брумма? Я сам о ней понятия не имел.

Взял учебник. Нет теории Брумма. Полез в физическую энциклопедию. На букву «Б» после Макса Борна шел этот самый Ганс Фридрих Брумм, умерший, как выяснилось, двести двадцать лет назад. Он чего-то там насочинял в своей келье, поскольку был монахом. Кажется, даже алхимиком. Потом все это, естественно, опровергли и поставили на его теории крест. А Василий Фомич хочет этот крест поколебать. Так я понял.

Ну так это проще простого! Я тут же сел и написал:

Уважаемый товарищ Смирный! Ввиду того, что трудами Максвелла, Герца и советских ученых теория Брумма опровергнута как антинаучная, Ваше предложение не может быть принято. Видимо, в Ваши опыты вкралась ошибка.

В общем, «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Лихо я с ним разделался, а заодно еще раз заклеймил Брумма. Нечего ему произрастать на нашей почве!

Потом я изобразил реестр подписей с указанием должности и звания. Получилось внушительно. Ректор института, член-корреспондент. Зам по науке, профессор и так далее. А внизу скромненько: младший научный сотрудник П. Н. Верлухин.

Отнес к машинистке и сел, довольный проделанной работой. Когда пришел шеф, я коротко доложил о Брумме, и шеф улыбнулся. Кстати, о Брумме он тоже слышал впервые, это я понял по его глазам.

Знал бы он, каким боком обернется этот Брумм, не улыбался бы.

Тут пришел Лисоцкий. Лисоцкий у нас считается солидным человеком. Он все время пишет диссертацию. Он ее пишет уже лет десять. Когда я студентом был, уже говорили, что он ее пишет. Когда он ее наконец напишет, это будет что-то потрясающее. Типа «Войны и мира» Льва Толстого. На заседаниях кафедры он всегда ссылается на трудности. Его за это уважают. Всем нравится, что он уже десять лет преодолевает трудности и это ему не надоело.

У Лисоцкого феноменальный нюх. Если где-нибудь в лаборатории отмечают день рождения, он всегда заходит спросить таблицы интегралов. На что ему интегралы, неизвестно. Конечно, его угощают, иначе неудобно. Он выпивает сухое вино, ест пирожные с кофе, а потом берет интегралы и уходит, извиняясь. На этот раз, я уверен, он тоже зашел неспроста. Что-то ему подсказало зайти.

– Что нового в инфракрасной области? – спросил Лисоцкий.

Ему все равно, что инфракрасная, что ультрафиолетовая, я знаю. Это он для затравки.

И шеф ему брякнул про Брумма. Со смехом, конечно. Лисоцкий тоже посмеялся, поговорил про телепатию, а уходя, взял зачем-то Физическую энциклопедию. Сказал, что хочет освежить в памяти второе начало термодинамики. Наверное, соврал. Я ему почему-то не верю.

Лаборантка Неля принесла письмо, отпечатанное на бланке, мы с шефом расписались и отправили его вверх. И оно тихо двинулось в Верхние Петушки в качестве официального документа.

Письмо ушло, и мы о нем забыли. Все пошло своим чередом. С лекции пришел Саша Рыбаков и впился в свой осциллограф. Гена, другой ассистент, устроил зачет по твердому телу, причем я, чтобы интереснее было жить, подкидывал студентам шпаргалки. Гена сидел довольный, что группа так хорошо усвоила. Он все время кивал, у него даже шея устала.

К концу рабочего дня Брумм опять всплыл по какому-то поводу. Выяснилось, что Саша знает его эффект. Ну, Саша вообще все знает, это неудивительно. Он оторвался от осциллографа, протер очки и сказал:

– Ты еще с ним нахлебаешься. У него хитрая теория.

– Вот еще! – сказал я. – Ее давно похоронили.

Саша хмыкнул и посмотрел без очков куда-то вдаль, по-видимому в семнадцатый век, в город Кельн, где обитал Ганс Фридрих Брумм. От этого его лицо сделалось немного святым. А впрочем, так всегда бывает у близоруких, когда они снимают очки.

Провожу эксперимент

Через три недели история с Бруммом вступила в новую фазу. Шеф пришел на работу хмурый и долго перекладывал на столе бумажки. Я уже подумал, что его опять в кооператив не приняли. Оказалось, нет.

– Вот такие дела, Петр Николаевич, – сказал шеф.

Это мне еще больше не понравилось. Обычно он ко мне обращается менее официально.

Шеф достал из портфеля папку, а из нее вынул бумаги. Я сразу же заметил сверху письмо со знакомым фиолетовым почерком. И конверт был такой же: «Поздравляем с днем Восьмого марта!» А дело, между прочим, было в сентябре. На этот раз к письму была подколота бумага из газеты. Не считая институтских резолюций. Только они были уже в повышенном тоне.

Шеф молча положил это все передо мной и стал курить. Я чувствовал, что он медленно нагревается. Как паровой котел. Потом он подскочил и ударил кулаком по столу, отчего фиолетовые буквы письма прыгнули куда-то вбок.

– Поразительно! – закричал шеф. – Мракобесие! Алхимией заниматься я не желаю!

– Ничего, Виктор Игнатьевич, – сказал я. – Это тоже полезно. Вы только не волнуйтесь, я все сделаю.

– Вы уж, пожалуйста, Петя, – попросил шеф. – И ответьте как-нибудь помягче. Пообещайте ему что-нибудь.

– Посмертную славу, – предложил я.

– Ни в коем случае! – испугался шеф. – Пообещайте ему какой-нибудь прибор, что ли? Амперметр, к примеру… О господи! – И шеф нервно забегал по лаборатории. Он всегда принимает все близко к сердцу. Так он долго не протянет.

В письме из газеты указывалось на недопустимость пренебрежительного отношения к письмам трудящихся. Оказывается, нужно было проверить самим эффект Брумма, а не ссылаться на какого-то Максвелла.

– Брумм-брумм-брумм… – запел шеф на мотив марша.

– Он тут Энгельса цитирует, – заметил я, ознакомившись с письмом Василия Фомича в газету.

– Брумм-брумм-брумм, – еще громче запел шеф.

Я отложил свой эксперимент и занялся опытом Василия Фомича. Прежде всего предстояло достать свечку. Гена посоветовал купить в магазине, а Саша Рыбаков – в церкви. Церковь к нашему институту ближе, чем магазин, поэтому я направился туда.

У церквей странное расписание работы. Иногда они закрыты весь день, а иной раз работают даже ночью. Мне повезло. Церковь функционировала. У входа какая-то старушка торговала свечками. Свечки были тонкие, как макароны, и дорогие. Я купил пять штук, и старушка меня перекрестила. Видать, я ей понравился.

С подковой дело обстояло хуже. Я просто не знал, где в городе можно достать качественную подкову. Позвонил в справочное бюро. Меня там обругали, сказали, чтобы я не хулиганил. Тогда я заказал подкову в механической мастерской. Дядя Федя, наш стеклодув, нарисовал мне по памяти эскиз. Он у нас родом из деревни. Я перечертил по всем правилам в трех проекциях, и в аксонометрии тоже. Все честь честью. Выписал наряд и стал ждать.

Три дня я бегал в мастерскую, интересовался заказом. Наконец подкова была готова.

– У тебя конь-то что, одноногий? – спросил слесарь.

– Остальные у него протезы, – сказал я.

– Кобыла или жеребец?

– Скорее жеребец.

– Жалко животное, – сказал слесарь.

Я принес подкову на кафедру и принялся готовить опыт. Народу набежало очень много. Шеф, чтобы не волноваться, ушел в библиотеку. Я чувствовал, что он не совсем уверен в результате. Лисоцкий ходил и иронизировал насчет подковки. Однако к схеме приглядывался очень внимательно. Это я отнес на счет его природной любознательности.

Я укрепил подкову на штативе, припаял к ней провода, присоединил амперметр и зажег свечу. Все это напоминало венчание. Со свечой в руке я походил на жениха. На месте невесты стоял Лисоцкий.

– Надо спеть аллилуйю, – предложил Рыбаков.

Я поднес свечку к подкове и начал нагревать. Стрелка прибора дрогнула и подвинулась на одно деление.

– Термоэлектрический ток, – констатировал Лисоцкий.

Ну, это я и сам знаю. Никаким Бруммом и не пахло. Я извел три свечки, нагревая подкову в разных местах. Она потеряла прежний блеск, закоптилась и выглядела жалко. Получилась какая-то бывшая в употреблении подкова.

– Ни хрена, – сказал Саша Рыбаков и вернулся к своим приборам.

– И должно быть ни хрена, – раздался сзади голос шефа. Он незаметно подошел и наблюдал за опытом.

– Дайте паяльную лампу, – сказал Лисоцкий.

– Не мешай эксперименту! – сказал шеф.

– Дайте лампу! – закричал Лисоцкий.

Ему дали лампу, и он в течение десяти секунд нагрел подкову добела. Провода от нее отпаялись, а результат был тот же.

– Не та подкова, – заявил Лисоцкий. – Суррогат, а не подкова. Нужно настоящую, с коня. С копыта, так сказать!

– Хватит! – сказал шеф. – Петя, пишите вежливое письмо. Приложите схему опыта. Пообещайте амперметр. Не забудьте написать «с уважением». Это преступление!.. Убить неделю на какого-то Брумма! А если этот Фомич заявит завтра, что Земля имеет форму бублика? Мы это тоже будем проверять? Да?!

– Подождите, – загадочно сказал Рыбаков, – это еще семечки.

Лисоцкий выпросил подкову и унес к себе в лабораторию. Сказал, что на счастье. В результате так оно и вышло, но гораздо позже.

Я снова написал письмо в Верхние Петушки. Назвал Фомича «коллегой», употребил кучу терминов и дал теоретическое обоснование с формулами. Написал даже уравнение Шредингера, хотя оно было и ни к чему. Это чтобы он подольше разбирался. Я уже чувствовал, что предстоит затяжная борьба.

Это же чувствовал шеф.

– Петя, изучите этого Брумма как следует, – сказал он. – Чтобы быть во всеоружии.

На следующий день я отправился в отдел рукописей и старинных изданий Публичной библиотеки и засел за оригинал. Брумм писал по-латыни. С этим я еще справлялся с грехом пополам. Но у него обоснования теории были немного мистические. Он, например, всерьез заявлял, что электрический ток есть одна из форм существования дьявола. И святой огонь, мол, заставляет дьявола бегать по проводам и производить искры. Каким образом дьявол может заряжать аккумуляторы, Брумм не писал.

В общем, в таком роде.

Я изучил только один трактат из четырнадцати, а Василий Фомич уже успел сделать ответный ход.

Собираюсь

На этот раз Смирный поднял на ноги общественность. Общественность обычно охотно поднимается на ноги. Можно сказать, она только этого и ждет.

Общественность можно поднимать на ноги различными способами. Василий Фомич пошел по пути коллективного письма. Не знаю, где он набрал в Верхних Петушках столько народу. Может быть, в райцентр ездил? Во всяком случае, человек пятьдесят клятвенно подтверждали, что товарищ Смирный пользовался мотоциклом с коляской шесть месяцев, и

довольно интенсивно. Причем аккумулятор заряжал один раз от подковы. Все видели. Где он брал подкову, тоже указали. Он брал ее в кузнице.

– Вот видишь. Не в церкви, а в кузнице, – сказал Рыбаков.

– Да я свечу брал в церкви, а не подкову, – сказал я.

– Все равно, – меланхолично заметил Саша.

По-моему, Рыбаков задался целью методично меня довести до состояния шефа. Это у него не выйдет!

Шеф смотрел на меня скорбно, когда я читал письмо. У него зрела мысль. Начал он издалека.

– Петя, вы еще молоды, – сказал он мягко. – Нервы у вас крепкие. Поезжайте в Петушки. А не то Фомич сам прикатит на своем мотоцикле. Тогда я за себя не ручаюсь. А у меня семья.

И я пошел оформлять командировку. Начальство подписало ее не глядя, а в бухгалтерии заволновались.

– Это где такие Петушки-гребешки? – спросил главный бухгалтер. – И зачем это тебе туда ехать? Небось, по грибы собрался?

Я терпеливо объяснил, что в Верхних Гребешках состоится международный симпозиум. То есть тьфу! Не в Гребешках, а в Петушках. Повестка дня: доильные аппараты на транзисторах, сбор яиц с помощью электромагнита и применение подковы в качестве генератора. Про подкову я не соврал.

– А самогон там еще не гонят на транзисторах? – пошутил главбух.

– Запланировано в следующей пятилетке, – пошутил я.

– Езжай! – сказал главбух. – Иностранцы будут?

– Три автобуса, – сказал я.

Главбух остался мною доволен. Я тоже. Получив аванс, я отправился узнавать, как мне добраться до Петушков.

Выяснилось, что лучше всего ехать туда на лошади, потому что на лошади все равно где передвигаться. Самолеты в Петушки не летали, поезда не ходили, пароходы не плавали. Я серьезно забеспокоился насчет иностранцев. Как они туда попадут?

Наконец какой-то старичок на вокзале мне все подробно рассказал. Нужно ехать поездом до райцентра, потом автобусом. Если влезешь, сказал старичок. А уж после катером по какой-то реке. Если ходит, сказал старичок.

– А если не ходит? – спросил я.

– Тады пешим, – сказал старичок. – Там недалече. Верст двадцать пять.

Я поблагодарил старичка за информацию и пошел покупать резиновые сапоги. И ватник.

На кафедре мой отъезд наделал много шуму. Посыпались заказы на сушеные грибы. А Саша Рыбаков предложил мне удочку для подледного лова.

– Так ведь льда еще нет, – сказал я.

– Как знать, – загадочно сказал Рыбаков. – Эксперименты могут затянуться.

Лаборантка Неля даже всплакнула, когда я прощался. По-моему, она меня любит. Это надо будет проверить, когда приеду, решил я. Прибежал дядя Федя с какой-то посылкой. Просил по пути завезти к нему в деревню, племянникам. В посылке были сухофрукты и пластинка Муслима Магомаева.

Я уточнил у дяди Феди, откуда он родом.

– Из Тульской губернии, – сказал дядя Федя.

– Дядя Федя, ты географию знаешь? – спросил я.

– Нет, – гордо сказал дядя Федя. – Я только Европу знаю. В войну всю прошел. А здесь уже подзабыл маленько. А что, разве не по пути?

Я специально сбегал за картой и показал дяде Феде местонахождение Верхних Петушков.

– Поди ж ты! – огорчился дядя Федя. – Ну все равно. Отдай там кому-нибудь. Магомаева там тоже знают, наверное.

Мой научный багаж заключался в конспекте работы Брумма и пирометре, который я захватил для солидности. Пирометр – это такая штука, которой можно замерять высокие температуры. Он не очень большой.

Потом я направил Фомичу телеграмму. «Командируется представитель комиссии по проверке эффекта Брумма. Подготовьте аппаратуру».

Провожать меня на вокзал никто не пошел. Даже жена. Поезд отходил в третьем часу ночи. Очень удобный поезд для убегающих тайно и навсегда. Я понял, почему отправление назначили так поздно. Или так рано, не знаю. Дело в том, что поезд был отнюдь не «Красная стрела» сообщения Ленинград – Москва. И его отправление днем или вечером могло навести на грустные мысли. Особенно гостей нашего прекрасного города. Я говорю о внешнем виде.

Я шагал вдоль поезда по платформе и вспоминал последние слова жены. Она сказала:

– Петечка, ты должен держаться.

– Это ты насчет научной позиции? – спросил я.

– Нет, насчет выпивки. Там же все пьют!

– Это слухи, – сказал я. – Все не могут пить. Дети не пьют. Старушки тоже. И вообще, там передовой колхоз.

– Закусывай салом, – сказала жена. – Говорят, это помогает.

Еду

В вагоне было темно, как в бомбоубежище во время ночного налета. Мне мама рассказывала про бомбоубежища. Такое у меня о них представление.

Я прошел по вагону, спотыкаясь о чьи-то чемоданы. Вагон был общий. Кто-то уже спал на второй полке, высунув ногу в носке наружу. Я ударился о нее носом. Не больно, но неприятно.

На моем месте сидели двое. Они дружелюбно посмотрели на меня, но места не уступили. Предложили присоединиться. Я не присоединился, потому что помнил слова жены.

Забросив пирометр на третью полку, я пошел за бельем. Проводница молча метнула в мою сторону что-то белое. Я поймал. Рубль она поднесла к окошку и долго разглядывала.

На второй полке в своем отсеке я нашел матрац, свернутый, как рулет. В матраце перекатывались пять комков ваты. Я постарался распределить их равномерно по всей площади и застелил простыней. Подушка тоже была не ахти.

Теперь предстояло раздеться. Делать это в проходе я посчитал неприличным. Поэтому я залез на полку и попытался раздеться там. Никогда не думал, что лежа так трудно снимать брюки. Носки по общему примеру я снимать не стал. Странное какое-то ощущение, когда спишь в носках. Однако я все-таки заснул.

Проснулся я довольно скоро от упавшего вниз пирометра. Пирометр свалился с третьей полки на столик, где стояли бутылка и два стакана. К счастью, они были пустые. Но звону все равно было много. Я свесил голову вниз и стал раздумывать, что предпринять. Как ни странно, никто в нашем отсеке не прореагировал. Зато откуда-то пришел мужик в кальсонах и в майке.

– Это что, бинокль? – хрипло спросил он, поднимая пирометр.

– Пирометр, – нехотя сказал я. Ужасно мне не хотелось вдаваться в принцип действия. Я чувствовал, что начинать придется с азов.

– А… Пирометр, – сказал мужик, почесывая сквозь майку грудь. – Давление, значит, мерить?

– Угу, – буркнул я, краснея. Очень стыдно было говорить неправду.

Я взял пирометр и снова забросил его на третью полку. Причем не глядя. А поглядеть стоило бы. Пирометр ударился во что-то мягкое и снова упал. На этот раз он свалился на добровольца в кальсонах. Тот выругался, но снова подал мне прибор.

Я подтянулся на руках и заглянул вверх. На третьей полке кто-то спал. Прямо так, без никаких удобств, на ровной доске. И без подушки. Вероятно, он первоначально спал на пирометре, а потом нечаянно спихнул его вниз. Спал он мертвецки.

– Ну ладно. Я пойду, – сказал мужик. Я его отпустил. Хорошие все-таки люди встречаются! Пришел ночью, босиком, чтобы два раза подать мне пирометр. И сам пострадал еще. Нет, у меня в голове не укладывается!

Утром меня разбудила проводница.

Как выяснилось, я ей особенно не был нужен. Она пыталась вытянуть из-под меня простыню и нечаянно разбудила. Я поинтересовался, почему такая спешка.

Проводница молча сорвала с меня одеяло. Я понял, как мы все ей надоели, и больше не приставал.

– Билет будете брать? – вдруг спросила она. По ее тону можно было догадаться, что этого делать не следует. Я извинился. Сказал, что лично мне билет не нужен, но бухгалтерия требует. Проводница пожала плечами и пошла за билетом. Вообще, мимика у нее была богатая. С такой мимикой можно поступать в театральный институт.

Я надел сапоги и ватник и стал ждать. Ждать пришлось до обеда. То есть обеда, конечно, не было, это я так. Кто-то из пассажиров первым развернул сверток и начал есть вареные яйца. И все как по команде тоже развернули свои тряпочки и принялись бить яйца и чистить картошку в мундире.

Я принципиально против стадного чувства. Поэтому я переждал, глотая слюну. Когда все закончили, я съел свой бутерброд.

Только я его съел, женщина на боковой полке достала вареную курицу и опять начала есть. А ведь только что съела пирог с капустой!

Курицу крыть мне было нечем, и я отвернулся.

В соседнем отсеке играли в карты. В подкидного. Оказывается, в этой игре масса юмора. Там все время хохотали. Внезапно перед моим носом закачались две пятки. А потом спрыгнул тип, который спал на третьей полке. Он зачем-то подмигнул мне и куда-то отправился.

Наверное, искать пиво.

Еду дальше

Я прибыл в райцентр утром и ступил на привокзальную площадь, как Колумб на берега Америки. Город был малоэтажный. По улицам бродили куры с цыплятами. Когда ни с того ни с сего проезжал автомобиль, они долго бежали перед радиатором, не зная, куда податься. А потом сигали в канаву.

Я установил, что автобус будет через три часа, и пошел на экскурсию.

Дошел до какой-то реки. Река была довольно большая. На деревянной пристани стоял дед с бородой и в шапке. Наверное, лодочник. Или бакенщик.

– Что за река, папаша? – спросил я. Спросил, не подумав.

– Волга, мамаша, – сказал дед укоризненно.

– Не узнал, – пробормотал я, краснея.

– Долго сидел-то? – спросил дед, посмотрев на мой чемодан и ватник.

– Где сидел? – не понял я.

– Известно где, – сказал дед, прищурившись.

– Три года, – сказал я, чтобы не обмануть его ожиданий.

– За какие дела?

– Трактор утопил колхозный.

– Бывает, – сказал дед. – Вытащил трактор-то?

– Нет, – сказал я. – Там глубина большая. Это на Черном море было.

– А теперь куда подался? – спросил дотошный дед.

– В Верхние Петушки.

– Поклонись там Ваське Смирному. Скажи, что Тимофей, мол, кланялся. Агрегат работает исправно.

Оказывается, Фомич был известной личностью. В этом я убедился, когда дошел до исполкома. Там была Доска почета. В правом верхнем углу находилось фото товарища Смирного. Было написано, что он передовой механизатор и изобретатель. Ну, это меня не удивило.

Напротив исполкома на здании Дворца культуры тоже висела доска. Только другого содержания – «Они позорят наш район». В том же правом верхнем углу я снова увидел портрет Фомича. Абсолютно такой же. Наверное, с одного негатива печатали. Здесь было указано, что товарищ Смирный занимается изготовлением самогонных аппаратов. Остальные его соседи по доске были просто алкоголики. Фактически его жертвы.

Как видно, доски вывешивали разные организации. И не слишком согласованно. Фомич на фотографии выглядел очень благообразно. На вид ему было лет пятьдесят. Прическа его напоминала маленькую плантацию по выращиванию волос.

Мне прямо жутко захотелось увидеть такого многогранного человека, и я поспешил к автобусу. Старичок, который меня предупреждал о посадке, хорошо знал местные условия. Никто не ехал просто так, без ничего. Все что-то везли. Колеса для мотоцикла, стиральную машину, клетку с канарейкой, два телевизора и резиновый шланг для поливки.

Автобус подрулил к остановке. Шофер высунулся из окошка и закричал:

– Машину мне не переверните!

Но его уже никто не слушал. Два мужика со стиральной машиной наперевес, набрав скорость, понеслись к дверям. По дороге они зацепили шланг и в результате промахнулись мимо двери. На боку автобуса образовалась вмятина.

– Я сейчас выйду! – пообещал шофер.

Все молча отталкивали друг друга руками. Это напоминало плавание в вязкой среде. Я прижал пирометр к груди и давил им на мешок, который волокла на спине какая-то бабка.

– Тихо ты! У меня там сервиз! – заорала бабка. И все сразу начали орать, у кого что в мешках. Абсолютно все предметы почему-то были бьющимися.

– Осторожно! – завопил я. – Пирометр взведен! Он от сотрясения взрывается! – И я потряс в воздухе пирометром.

Вокруг моментально образовался вакуум. Я прошел в автобус и сел. А остальные продолжили свои попытки. Наконец шоферу это надоело, и он тронулся с места. Стиральную машину успели к этому времени впихнуть только наполовину. А шланга лишь небольшой кусочек. Шланг размотался и потянулся по дороге, как кнут. Один из владельцев стиральной машины бежал рядом с автобусом и все пытался продвинуть ее внутрь, но это ему плохо удавалось.

Километров сорок еще ругались, но потом успокоились. На мой пирометр смотрели с уважением и прислушивались, не тикает ли внутри. Наконец я сошел у какого-то моста.

Рядом с мостом была пристань. На ней ждали катер. Как мне сказали, ждали со вчерашнего дня. Уверенность, что катер все-таки придет, меня воодушевила.

Катер действительно пришел. Но только на следующее утро. Ночь мы провели у костра. Хорошо, что среди ожидающих были туристы. Они растянули свою палатку, и мы прекрасно переночевали. Меня даже покормили утром тушенкой.

Я спросил, нет ли здесь жителей Петушков.

– Это каких Петушков? – уточнила девушка с велосипедом, которая вечером у костра пела народную песню. – У нас Петушков много. Нижние Петушки, Верхние Петушки, Кривые Петушки и Ясные Петушки.

Я сказал, что Верхние. И добавил, что к товарищу Смирному.

– К дяде Васе? – обрадовалась девушка. Потом она подозрительно на меня посмотрела и спросила, не из милиции ли я. Я сказал – нет. Девушка посмотрела еще подозрительнее и осведомилась, уж не за аппаратом ли?

– Он их уже не делает. Через эти аппараты его от науки отрывают. Несознательные у нас люди! – сказала девушка.

Как видно, научные подвиги Фомича были достаточно хорошо известны. Девушка сообщила, что Смирный соорудил из телевизионной трубки какой-то прибор. И облучает вымя колхозным коровам. Удои от этого очень выросли. В общем, интеллектуальные интересы Фомича были разнообразны.

Часа два мы плыли на катере мимо разных Петушков и других населенных мест. Природа была первозданная. Воздух стерильно чист. Люди были суровые, привыкшие к трудностям. Полеводы, животноводы, сельская интеллигенция.

Раньше было такое понятие – «смычка города и деревни». Так вот, я эту смычку осуществлял. Меня попросили подробнее рассказать о пирометре. Я увлекся и незаметно перешел на элементарные частицы. А потом рассказал про лазер, когерентное излучение и так далее.

– А что, сынок, этим лазером можно сено косить? – спросила одна бабка.

– В принципе, можно, – ответил я. – Но нерационально. Это все равно что фотоаппаратом забивать гвозди.

В общем, когда мы добрались до Верхних Петушков, пассажиры уже имели представление о физике. Не знаю, как это там у них преломилось. Наверное, своеобразно. Ну и я, в свою очередь, получил понятие о пахоте, севе, дойке и самогоноварении.

Наконец катер ткнулся носом, на котором висела автомобильная покрышка, в гостеприимную пристань Верхних Петушков.

Знакомлюсь с Фомичом

– А где село? – спросил я у девушки с велосипедом. Она вызвалась меня проводить.

– Да вот же, – показала она.

На пригорке располагались пять домиков, причем совершенно хаотично. Вниз, к реке, вела тропинка. Лаяли собаки. Кричали петухи. Короче говоря, не было похоже, что это центр мировой науки.

– Вот дяди Васи дом, – махнула рукой девушка.

На трубе этого дома было укреплено какое-то сооружение из толстой проволоки.

– Магнитная ловушка, – сказала девушка.

– Понятно, – пробормотал я. Если этот Фомич получает в своей печке плазму, я брошу физику. Так я подумал.

Я подошел к жилищу и постучал в окошко. На стук из-за занавески высунулась голова. Я сразу ее узнал. Похуже, чем на Доске почета, но зато абсолютно живая. Василий Фомич сделал испуганные глаза и отрицательно замотал головой.

– Я по делу! – крикнул я.

– Пвопади ты пвопадом, – глухо донесся из-за рамы его голос. – Нету аппаватов!

– Я по поводу Брумма! – крикнул я.

– Бвумма? – Рыжие брови Фомича образовали взлетающую птичку. Он исчез из окошка и через минуту открыл мне дверь. Я вошел в сени.

– А не врешь? – спросил Фомич. – Тогда пвоходи.

Фомич был в спортивном костюме из трикотажа. В руке он держал ухват. Между дужками ухвата была укреплена двояковыпуклая линза. Значит, это был уже не ухват, а физический прибор.

Фомич очень приятно картавил в некоторых словах. Иногда совсем невозможно было понять, что он говорит. Но это главным образом из-за его собственной терминологии. Она у него отличалась от общепринятой.

– Житья нету от аппаратчиков, – сказал Фомич. – Я денег не беру. Только бы отвязались! Говорят, хоть польза от науки какая-то. А ты откуда будешь?

Я объяснил. Фомич был удивлен не на шутку. Особенно тем, что наша подкова отказалась давать ток. Он ввел меня в избу. Там было похоже на нашу лабораторию. Очень много проводов и железа. На столе стояла керосиновая лампа. На ее стеклянном колпаке висела одной дужкой внутрь подкова. От подковы шли провода к приемнику. Фомич зажег лампу и включил приемник. Приемник заговорил.

– Прямое преобразование. Переносной электропитатель, – пояснил Смирный.

Тут в окошко постучалась девушка-почтальон. Она привезла Фомичу телеграмму от меня. Знал бы я, захватил бы ее с собой, чтобы телеграф не мучался. Фомич внимательно изучил телеграмму.

– Командируется представитель, – значительно сказал он. – Тоже по Брумму.

– Да это я и есть, – сказал я. – Откуда вы про Брумма знаете?

– История, уходящая в прошлое, – литературно начал Фомич. – Я раньше дома ломал. Разбирал по бревнышку, по кирпичику. Под новую постройку. И однажды нашел трактат на чердаке. Ничего не понял, но интевесно! Интевесно ведь!

– Интересно, – согласился я. – Редкий довольно-таки бред.

– Ну, бред не бред, а зерно истины там присутствует, – обиделся за Брумма Фомич. Он хотел сказать, что доковырялся до этого зерна.

– А дьявол? – спросил я.

– Не дьявол, а черт, – поправил Фомич. – Горшком назови, только в печку не ставь. Знаешь? Электрон, черт – разницы нету. Главное, чтоб работало!

– Ну, это мы проверим, – сказал я.

– Утро вечера мудренее, – сказал Фомич.

Мы стали готовиться ко сну. Пришла откуда-то жена Фомича. Очень жизнерадостная женщина. Фомича она называла Васютой, а к физике относилась с любовью, как к домашней кошке. Меня покормили от души. Перед сном Фомич понаблюдал немного в телескоп, делая какие-то записи. По-моему, он опоздал родиться. Ему очень подошел бы Ренессанс. Прошу не путать с Росинантом. Хотя Росинант этому рыцарю науки тоже сгодился бы. Мне очень хотелось спросить, не пишет ли Фомич стихи. Или не ваяет ли? Но я не спросил.

Ночью мне приснился Ганс Фридрих Брумм. Он пришел к нам на кафедру в ватнике, надетом поверх черной мантии. В руках он держал телеграмму-молнию. Я показывал ему подкову, и Брумм страшно хохотал. «Интевесно! Интевесно ведь!» – кричал он.

Потом Брумм перешел на латынь и долго что-то говорил. Из этого я понял только крылатую фразу: «Квод лицет йови, нон лицет бови». Это означает: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». Я когда-то увлекался крылатыми фразами. Вот только неизвестно, кого Брумм подразумевал под быком.

Экспериментируем вместе

Когда я проснулся, Фомича не было. Он пришел через полчаса с ведром, в которое был вмонтирован кинескоп. 43 сантиметра по диагонали. Видимо, Фомич только что проводил утреннее облучение коров.

Судя по всему, проснулся он очень рано. Это я определил по пирометру. Пирометр был разобран на части до последнего винтика. Его детали аккуратно лежали на чистой тряпочке. У Фомича был детский метод познания окружающего мира. Я тоже в детстве разбирал игрушки, чтобы посмотреть, что внутри.

– Пирометр нам понадобится? – спросил Фомич, указывая на детали.

«Ишь ты, знает название», – подумал я.

– Да, – сказал я. – Понадобится.

– Сейчас соберу, – сказал Фомич.

И он действительно за какие-нибудь четверть часа собрал пирометр. Не осталось ни одной детали. На ходу он что-то там модернизировал, в результате, по его словам, пирометр можно было теперь использовать как микроскоп.

– Еще есть чего? – спросил он с надеждой.

– Нет, – сказал я. – В следующий раз привезу больше.

– Эх, мне бы камеру Вильсона! – мечтательно сказал Фомич. – Я бы тогда…

Как выяснилось из разговора, Фомич склочником не был. Его письма в научные центры объяснялись просто. Земляки не очень-то уважали Фомича за его труды. Не считая, разумеется, аппаратов. Можно сказать, они не верили в его результаты. Тогда он решил получить авторское свидетельство, чтобы таким образом укрепить свой престиж и заодно чтобы не мешали ему работать.

– Ремонтивуй, говорят, твактова! – жаловался Фомич. Я с трудом сообразил, что он говорит о ремонте тракторов. – Да мне эти твактова неинтересно чинить. У меня плазма на очереди.

Мы позавтракали и приступили к опытам. Интересно, что не пили ничего, кроме чая. Ни вчера, ни сегодня. Потом оказалось, что Фомич вообще непьющий. У меня даже мелькнула мысль – ввести обязательные занятия физикой в качестве меры против пьянства.

Нагревали подкову. Свечкой. Керосиновой лампой. Пальцем. Токи текли неправдоподобно большие. Приемник работал. Моя электробритва брила. Бриться от подковы! Да если это на кафедре рассказать, убьют!

Гипноз был исключен. Колдовство тоже. Оставалось снять шапку перед фактами.

– А ты говоришь – бред! – радостно восклицал Фомич.

– Природа едина, – твердил я. – Не может быть в Петушках один физический закон, а в городе другой.

– Как сказать! Как сказать! – приплясывал вокруг подковы Фомич. – Вот в этом ты, видать, и ошибаешься.

Я еще раз проверил схему, снял показания, замерил температуру и ушел думать в поля. Полей, слава богу, хватало. Можно было обдумать всю физику от первого закона Ньютона до последних открытий Фомича.

Это что же получается? Я закончил школу, институт, готовлюсь в аспирантуру. Отвоевал себе маленький клочок физики, где я знаю, кажется, больше всех. Совсем маленький. Меньше не бывает. А тут человек исследует глобально на одном энтузиазме. Причем о диссертации не помышляет. Интересно ему, вот и все. Так кто же из нас, спрашивается, занимается физикой?

Получалось, что физикой занимается Василий Фомич. А я исследую какие-то крупицы истины, от которых никому ни жарко ни холодно. Оптические свойства анизотропных соединений висмута. Ну защищу, положим, диссертацию. А у Фомича мотоцикл от подковы ездит. Приемник говорит. Бритва бреет. Вот-вот плазму в печке получит.

А если он шарлатан? Я вспомнил глаза Фомича, когда он колдовал со свечечкой. Нет, он не шарлатан. Такой веры в глазах у шарлатанов не бывает.

Ничего я не придумал, и мне стало холодно в полях. Наступил вечер. Упали заморозки. Кажется, так говорится на сельскохозяйственном языке. Трава пожухла. Я как вспомнил эти слова, так и захотелось мне переехать жить в деревню. А что? Буду у Фомича ассистентом.

Достанем камеру Вильсона, ударим по элементарным частицам. Корову куплю. Мотоцикл. И хорошо на душе стало, и все равно тоскливо, потому что никуда я не поеду. Буду всю жизнь что-то измерять и писать статьи в журнал «Физика твердого тела». А эти статьи будут понятны, кроме меня и шефа, еще семнадцати человекам. Это на всем земном шаре.

Расстроился я и вернулся к Фомичу. Он меня напоил парным молоком, а на ночь мы поговорили про космические лучи и относительность пространства-времени. Давно я на такие темы не говорил со свежим человеком. А Фомич был абсолютно свеж. Пару раз он меня ставил в тупик. Оказывается, в пространстве-времени много нерешенных вопросов.

– Васюта, спи! – попросила с печки жена Фомича.

– Погоди! Душу мне разбередил этот Эйнштейн. Это как же я поперед него не подумал?

– Он просто раньше жил, – успокоил я Фомича.

– Разве что, – согласился Фомич. – Все равно обидно!

Он долго еще ворочался, а потом заснул. Я смотрел в окошко и видел распаханное поле, залитое зеленоватым светом луны. От каждого бугорка падала тень. По полю, опустив морду, пробежала собака. Или волк. Мне захотелось к маме. Или к жене.

Просторы очень действовали на нервную систему.

Едем обратно

– Собирайтесь, Василий Фомич! – сказал я утром. – Упаковывайте приборы. Поедем в Ленинград.

– Чего я там не видал? – насторожился Фомич.

– Вас там не видали, – сказал я.

– И не увидят. Вот еще!

– Мы вам осциллограф подарим, – пообещал я.

– Осциллограф? – Фомич мечтательно зажмурился. У него даже волосики на голове зашевелились. – Нет, не поеду. Кто коров будет облучать? Председатель не отпустит.

Я пошел к председателю в соседнюю деревню. Правление было там. Председатель ничуть не удивился моему визиту. Как видно, по поводу Фомича его посещали часто. Странно, что он еще сохранил к нему теплые чувства.

– Золотая голова! – сказал председатель. – Это раз. Не пьет. Это два… Но ерундит иногда, это верно. Измышляет без пользы. Вот облучатель сделал – молодец! А плазма эта – ну кому она нужна?

По словам председателя, золотую голову Фомича они даже в аренду сдавали. Соседним колхозам. Фомич тем рацпредложение, а они колхозу денежки. В общем, как у нас на кафедре договорные работы с предприятиями.

– Ладно, уговорил! – сказал председатель, когда я намекнул ему на Нобелевскую премию. – Будет премия, построим коровник.

– На эту премию и слоновник можно построить, – сказал я.

– Зачем нам слоны? – не понял председатель.

– Вместо петухов. Научите их кукарекать.

Председатель посмотрел на меня с интересом. Я понял, что свалял дурака со своим юмором. Так у меня часто бывает. Поэтому я решил исправиться:

– Вообще, слонов в Индии используют как рабочую силу.

– Да у нас весь урожай на корма пойдет! – сказал председатель, посмотрев на дело практически. – А сколько стоит слон?

– Их трудно достать. Они все импортные, – успокоил я председателя. Он сразу потерял интерес к слонам и выписал Фомичу какие-то документы на отъезд. Напоследок попросил, чтобы Фомич научил подпаска Кольку облучать коров. Я обещал.

День у нас ушел на сборы. Набрали в кузнице мешочек подков. Довольно тяжелый. Взяли приборы Фомича, чтобы соблюсти чистоту эксперимента. И тронулись.

Жена Фомича дала сушеных грибов и сказала:

– Держись там, Васюта.

И далее у них произошел такой же разговор, как у меня с женой. Только они говорили о научной позиции.

Когда приехали в райцентр, Фомич весь съежился. Он шел, не поднимая головы. Мы прошли мимо Дворца культуры. На стенде «Они позорят наш район» фотографии Фомича уже не было. Как, впрочем, и на Доске почета. Фотографии взаимно уничтожались, как частица с античастицей. У нас это называется – аннигилировали. Фомич первый раз улыбнулся. Неизвестно, исчезновению с какой доски он больше обрадовался.

Мы приехали утром, и я сразу поволок Фомича в институт. Он все время озирался и прижимал к животу мешочек с подковами. Два раза я вынимал его из-под колес движущегося транспорта. Один раз он меня. Но это случайно.

Мы шли по коридору кафедры, обрастая сзади хвостом из любопытных. У входа в лабораторию все уже напоминали комету. Ядром были мы с Фомичом.

Я впихнул Фомича в лабораторию, вошел сам и объявил, как на приеме:

– Знакомьтесь, Василий Фомич Смирный.

Шеф в это время давал консультацию студентке. Он сидел к нам спиной. И по лицу студентки я понял, что происходит с шефом. У студентки расширились зрачки, и она пролепетала:

– Виктор Игнатьевич, я потом зайду…

Шеф медленно повернулся. Все-таки у него сильная воля. Саша Рыбаков снял очки и протер их. Произошла немая сцена, как в «Ревизоре». А Фомич сказал:

– Вы меня помните? Я вам писал про Брумма…

– Помним, – сказал шеф. – Очень хорошо помним.

Носимся с Фомичом (1)

Публика расположилась, как на стадионе, и у шефа с Фомичом началось состязание. Сначала работал шеф. Рыбаков ему ассистировал. Я был третейским судьей. Не знаю, что это такое. Так принято говорить.

Шеф взял подкову через носовой платок и укрепил ее. Подпаяли провода и так далее. Нагрели. Результата, конечно, никакого.

– Ну-с, – сказал шеф.

– Это по-вашему, – сказал Фомич. – Дайте свечку.

Фомич заступил за пульт управления и мгновенно добился тока. Получилась боевая ничья. Со счетом 1:1.

Откуда ни возьмись появился Лисоцкий. Он подошел к Фомичу и нежно обнял его за плечи. Фомич испуганно отшатнулся.

– Ай-яй-яй, – сказал Лисоцкий. – Вам не стыдно, товарищи? Так встречать гостя не годится. Где наше ленинградское гостеприимство?

– Я пить не буду, – тихо сказал Фомич.

– Петр Николаевич, товарищ устроен в гостиницу? – спросил меня Лисоцкий.

– Он же не из Парижа, а из Петушков, – сказал я. – Попробуй его устрой.

– Я это беру на себя, – сказал Лисоцкий.

– Да я уж на вокзале, – предложил Фомич.

А подкова все продолжала давать ток. Кто-то из лаборантов незаметно присоединил к ней лампочку. Та, конечно, загорелась. Шеф сел на стул и вытер лоб тем же платком, которым брал подкову. Саша Рыбаков замерил напряжение и объявил:

– Двести двадцать вольт… А есть подкова на сто двадцать семь?

– Почему нет? Есть, – сказал Фомич.

– Не надо, – еле слышно сказал шеф.

– Василий Фомич, – сказал Лисоцкий. – Сейчас мы вас устроим, вы отдохнете, а завтра продолжим исследования.

– Да чего тут исследовать? – удивился Фомич.

– Могут быть побочные эффекты, – уклончиво ответил Лисоцкий. – Кроме того, надо дать теоретическое обоснование.

– Его уже дал Брумм, – сказал я. – Все дело в чёрте. Или в дьяволе.

Тут Лисоцкий увел Фомича. Тот успел кинуть на меня взгляд, молящий о помощи, но бесполезно. Мне нужно было писать отчет о командировке. Весь народ из лаборатории рассосался. Лампочка продолжала гореть.

– Петя, уберите этот иллюзион, – сказал шеф устало.

– Ничего не поделаешь, работает, – развел я руками.

– Ха! – крикнул из своего угла Рыбаков.

Шеф вскочил и зашвырнул лампочку в железный ящик. Там она благополучно взорвалась. Причем шефа стукнуло током от подковы. Это был неплохой аргумент. Но шеф ему не внял. Как говорят, он закусил удила.

– Петя, – угрожающе начал шеф. – Чтобы этого Фомича я больше не видел. И подков тоже. Сделайте для меня такое одолжение. Я вас освобождаю от работы на неделю. Поведите его в Эрмитаж, покажите кулибинское яйцо. В цирк, на карусели, в бассейн. Куда угодно!

– А эффект Брумма? – спросил я.

– Забудьте это слово! – закричал шеф. Взгляд его упал на подкову, он зарычал и бросился на нее. Никогда не думал, что шеф такой богатырь. Он моментально разогнул подкову и зашвырнул ее в тот же ящик. Следом полетела свеча. Шеф достал таблетку и засунул ее под язык. Я подумал, что, если он сейчас умрет, виноват буду я, а не Брумм. Поэтому я, пятясь, вышел из лаборатории.

Носимся с Фомичом (2)

На следующий день был бенефис Фомича в лаборатории Лисоцкого. Лисоцкий прибежал на кафедру с самого утра, чего давно уже не бывало. В руках у него болтался мешочек с подковами. Видно, выпросил все-таки. Снова на счастье. Судя по всему, счастья Лисоцкому должно было теперь хватить до двухтысячного года.

– Петр Николаевич, – обратился ко мне Лисоцкий. – Я устроил Смирного в гостиницу «Ленинград». Поезжайте за ним, скоро прибудет корреспондент.

– Какой корреспондент? – спросил я.

– Из газеты, – сказал Лисоцкий.

Я пожал плечами, но поехал за Фомичом. Фомич по мне соскучился. Он чуть меня не расцеловал. В отдельном номере гостиницы с полированной финской мебелью он выглядел как леший в целлофане. Он сидел перед зеркалом во всю стену и приглаживал брови. Но безуспешно. При этом разговаривал со своим изображением.

– Что, Васька, генералом стал? – говорил Фомич. – И чего тебя, дурака, в город понесло? На кой шиш тебе эти исследования? Ага, молчишь!

Фомич сделал паузу, чтобы изображение и вправду немного помолчало. Потом он поднял сапог, стоящий под мягким креслом, и потряс им в воздухе:

– Лапоть ты, Васька! Сапог!

– Не расстраивайтесь, Василий Фомич, – сказал я.

– А я и не расстраиваюсь. С чего ты взял? – сказал Фомич.

Как мне показалось, Фомич так и не решился ночевать на кровати, а спал в кресле. Постель была нетронута. Мы спустились по коврам вниз, причем дежурная по этажу посмотрела на Фомича с изумлением. Наверно, она давно не видела обыкновенных людей.

Мы приехали на кафедру, где уже томился корреспондент. Удивительно ученый человек. Он так и сыпал научными терминами. Лисоцкий ходил с ним по коридору и чего-то пел ему про подковы.

– А вот и наш самородок! – сказал Лисоцкий.

Корреспондент достал блокнот и посмотрел Фомичу в зубы. Фомич сморщился, будто съел килограмм клюквы.

– Мы начнем интригующе, – сказал корреспондент и рассмеялся от счастья. Он был счастлив находкой. – Сначала история подковы. От египетских фараонов через крестовые походы до наших дней. Подкова уже отживает свой век. Она, можно сказать, при последнем издыхании. И вот тут-то… Второе рождение! Да, именно так это будет называться.

Корреспондента срочно нужно было остановить, потому что Фомич весь побелел. Наверное, его хватил приступ ностальгии. Я побежал к себе, а оттуда позвонил в лабораторию Лисоцкого. Вызвал корреспондента.

– Слушаю, – сказал корреспондент в трубку.

– Говорят из радио, – сказал я. – Нам срочно нужен материал в выпуск. Вести из лабораторий ученых. Две страницы на машинке. Подчеркните народно-хозяйственное значение открытия товарища Смирного.

– Когда? – спросил корреспондент.

– Через час.

– Схвачено! – сказал корреспондент. – Продиктую по телефону. Ваш номер?

Я назвал ему номер моей тети. Она у меня одинокая пенсионерка. Ей интересно будет послушать. Потом я позвонил тете и попросил принять для меня телефонограмму.

Когда я вернулся в лабораторию Лисоцкого, там вовсю кипел эксперимент. Фомич выглядел вяловато, может быть поэтому ток в подкове был поменьше, чем вчера. Лампочка светила совсем слабо. Но корреспондент уже строчил про народно-хозяйственное значение.

Он закончил быстрее, чем Фомич, и тут же все изложил моей тете. Начиная с египетских фараонов. Лицо его светилось вдохновением. После этого он помчался в газету.

– Надо звонить на телевидение, – сказал Лисоцкий.

– Звоните, – сказал я. – А мы пока пойдем в Эрмитаж. Человек ни разу не был в Эрмитаже.

Следуя указаниям шефа, я показал Фомичу в Эрмитаже кулибинское яйцо. К сожалению, его нельзя было тут же разобрать. Поэтому Фомич повертелся у музейной витрины, и мы пошли смотреть живопись. Фомича потряс Пикассо. Он долго стоял, обозревая какую-то композицию, а потом проговорил:

– Где билеты продают на поезд?

Уходя, он оглядывался на картину с опаской, будто она могла кинуться за ним, как собака. Окончательно добил его Матисс. Фомич вышел из музея как в воду опущенный. В цирк идти отказался.

– Пойдем выпьем, Петя, – предложил он.

Мне стало страшно за Фомича. Я повел его обратно в гостиницу. Там был бар. Фомич сел за стойку рядом с юношей, похожим на девушку. Или наоборот. Бармен придвинул ему коктейль с соломинкой. Фомич опрокинул бокал вместе со льдом и стал меланхолично жевать соломинку.

– Пресновата, – сказал он. – А так ничего, закусывать можно.

Вокруг галдели на иностранном языке. Фомич разомлел и уставился на носок своего сапога. Что-то он все обдумывал. Группа туристов захотела с ним сфотографироваться. А-ля

рюс. Фомич слез с круглого сиденья, горестно махнул рукой и куда-то пошел. Две иностранки в блестящих брюках, похожие на голодающих марсианок, устремились за ним. Они подхватили Фомича под руку, и тут он им что-то сказал. У них чуть глаза не выпали из-под очков. Они вернулись к своим и долго о чем-то шептались.

А Фомич покрутился в холле, как слепой на танцплощадке. Его уже хотел вывести швейцар с галунами, но тут вмешался я. Я обнял Фомича за плечи и мягко повлек его в номер. Там он не выдержал и разрыдался. Я дал ему элениум, который ношу с собой с некоторых пор. А точнее, со дня начала истории с Бруммом. Вы что думаете, она мне легко дается? Ошибаетесь.

Я уложил Фомича в постель, и он заснул, вздрагивая всем телом. Я вышел от него на цыпочках и предупредил дежурную, чтобы она за ним следила.

Выступаем

Утром я заглянул к Лисоцкому. Он бурлил. Творчество так из него и било. На стене его лаборатории уже висела схема с подковой, вычерченная тушью. Лаборанты шлифовали дужки.

– Я договорился, – не разжимая зубов, сказал мне Лисоцкий. – Сегодня нас записывают на телевидении. Поезжай за Смирным и не отпускай никуда. Запись в четырнадцать.

Я затосковал. Интересно, когда мне дадут заниматься наукой? Но, с другой стороны, Фомич без меня пропадет. Он уже ко мне привык. Он мне верит.

Опять я к нему поехал и прогуливал до обеда. Я постарался выбрать спокойные места. Летний сад, Таврический сад, музей Суворова. Фомич был меланхоличен до неузнаваемости.

Наконец я отвлек его внимание и привез на студию. Там, в вестибюле, уже бегал Лисоцкий, одетый во все праздничное. Режиссер посмотрел на сапоги Фомича и хмыкнул.

– Одеть! – крикнул он через плечо.

Фомича схватили и куда-то поволокли. Он упирался, бедный, и смотрел на меня так, что я почувствовал себя предателем. Поэтому я пошел следом.

Две девушки очень властного вида привели Фомича в костюмерную. С ним они не разговаривали. Это не входило в их обязанности. Они толковали между собой.

– Фрак ему не пойдет, – сказала одна. – Лицо простовато.

– Может быть, китель? – спросила другая задумчиво. – Как будто он отставной офицер.

– Тогда уж гимнастерку, – вставил слово Фомич.

– И противогаз, – сказал я сзади.

Девушки обернулись и посмотрели на меня как на идиота.

– Джемперок и брючки! – придумала первая. – Будет смотреться.

Они заставили Фомича напялить белый джемпер и брюки в полосочку. Как у Дина Рида. Сапоги заменили лаковыми штиблетами. Фомич был просто молодцом! Он зачесал волосы на пробор и стал похож на чечеточника.

– Ух, курносые! – воскликнул Фомич, пытаясь ущипнуть обеих девушек сразу. При этом он подмигнул мне. Девушки с трудом сохранили ледяную надменность. Я понял Фомича.

– Меня тоже нужно одеть, – сказал я. – Режиссер сказал, во что-нибудь средневековое.

Девушки поверили. Они там ко всему привычные. Мы с Фомичом еле сдерживались, чтобы не расхохотаться на всю студию. Но хохотать было нельзя. Рядом шли передачи.

Я выбрал такую черную кофточку с жабо. И стал как Ромео. Девушки были поразительно серьезны. Они старались вовсю.

Когда нас привели к режиссеру, он чуть не прослезился. По-моему, обе девушки схлопотали взыскания по службе. Нас опять переодели во что-то нейтральное.

Мы вошли в студию и начали репетировать. Лисоцкий вел передачу. Он так расписал про подковы, что оператор не мог нас снимать. Он уткнулся носом в камеру и там беззвучно смеялся. Удивительно, что Фомич приободрился. Он сидел с видом «пропадать, так с музыкой».

Сразу после репетиции, которая прошла поверхностно, начали запись. Оператор уже отсмеялся и был грустен. Надоело ему, наверное, каждый день снимать чепуху. Я его понимаю.

Когда дело дошло до Фомича, он встал, подошел к подготовленной аппаратуре и зажег свечу. С важным видом. Потом он стал греть подкову. К подкове был присоединен вентилятор.

– Обратите внимание, сейчас ток поступит в электромотор, и вентилятор начнет вращаться, – сказал Лисоцкий в камеру.

Вентилятор на эти слова не прореагировал.

– Сейчас, – сказал Лисоцкий, все еще улыбаясь.

Фомич аккуратно потушил свечу пальцами, сел на место и сказал загадочные слова:

– Наука умеет много гитик.

– Стоп! – крикнул режиссер по радио. Через минуту он прибежал в студию.

– Почему нет эффекта? – спросил режиссер.

– Кураж не тот, – сказал Фомич.

– Какой кураж? – спросил Лисоцкий, бледнея.

И тут Фомича прорвало. Он показал характер. Он дал понять, что обо всем этом думает. Я был счастлив.

– Все свободны, – сказал режиссер. – Наука умеет много гитик. Это гениально!

Не смеялся один Лисоцкий. Он собрал свои листки и незаметно выскользнул из студии. А мы с Фомичом опять переоделись и поехали покупать билет на поезд.

Провожаю Фомича

Мы с Фомичом сидели у меня дома и пили чай. Фомич излагал свои взгляды на жизнь. И на физику. А я свои. Нам было интересно друг с другом.

– Понимаешь, – сказал Фомич, – что нам с тобой главное? Не то, чтобы людей удивить. И денег нам с тобой не надо. Главное – это когда всей душой устремишься и вдруг сделаешь что-нибудь. И оно только душою и держится. Вынь душу – пропадет все.

– А объективная реальность, данная нам в ощущении? – спросил я. Это я на материю намекал. Я, как уже говорилось, материалист.

– Данная? – спросил Фомич. – А кем она данная? А?

– Ну, данная, и все, – ответил я.

– Э-э! – помахал пальцем Фомич. – Кем-то, видать, данная.

– Вы что, Василий Фомич, верующий? – спросил я прямо.

– Верующий, – сказал Фомич. – В науку верующий. В душу верующий.

– Это не одно и то же, – сказал я.

– У вас не одно и то же, а вообще так одно. Вот ты мне давеча про Эйнштейна толковал. А я думаю – поверил он в свою придумку так, что она и воплотилась. А если бы для денег или еще для чего – никакой твоей относительности и не было бы.

– Другой бы открыл, – сказал я.

– Это кто другой? Ну я, может быть, и открыл бы. Или ты, – раздобрился Фомич. – А этот Лисоцкий – нипочем. Даже если бы у него голова с силосную башню была.

Я живо представил себе Лисоцкого с силосной башней на плечах. Получилось внушительно.

– Или возьми Брумма, – продолжал Фомич. – Тоже был хороший мужик. Не лез в телевизор.

Мы попили чаю и стали собирать Фомича. Собственно, собирать было нечего. Вся аппаратура осталась у Лисоцкого. Был только осциллограф, который мы подарили Фомичу. Как я и обещал.

Мы поехали по ночному городу. Фомич задумался. Я решил его расшевелить.

– А Лисоцкий не ожидал все-таки такого фиаско, – сказал я.

– Фигаско, – сказал Фомич.

Я не понял, шутит он или нет.

– С него как с гуся вода, – сказал я.

– То-то и оно, – вздохнул Фомич. – Ну, Бог его простит.

На платформе мы обнялись. Фомич был добрым человеком. Он меня пожалел.

– Поехали, Петя, со мной, – предложил он. – А то пропадешь здесь. Ей-богу, пропадешь.

– А семья? – спросил я.

– А наука? – сказал Фомич. – Если любит, приедет.

Последние слова относились к моей жене. Но все-таки я не поехал. Сдержался.

Поезд свистнул, ухнул, зашевелил колесами и унес Фомича в деревню Верхние Петушки. Красный огонек последнего вагона еще долго болтался в пространстве, пока я стоял на платформе.

Получаю письмо

– Поздравляю, – сказал шеф на следующее утро. – Наверное, гора с плеч свалилась?

У меня не было такого ощущения. Я все вспоминал бескорыстные глаза Фомича.

– Ладно, Петя, – сказал шеф. – Побаловались подковами и хватит. Нужно думать о диссертации.

А мне совсем не хотелось думать о диссертации. Мне хотелось думать о том, как бегают по кристаллической решетке электроны, как они друг с другом сталкиваются, перемигиваются и бегут дальше, взявшись за руки и образуя электрический ток. Мне хотелось понять их намерения и залезть им в душу, как сказал бы Фомич. Я понял, что, если не залезешь к ним в душу, ученого из тебя не выйдет.

С Бруммом было почти покончено. Только Лисоцкий взял его на вооружение и срочно вставлял в свою диссертацию. Он все подковы извел, но никакого толка не добился. Пробовал ко мне подъезжать, выяснял, не было ли у Фомича какого секрета.

– Был, – сказал я. – Бескорыстная преданность науке.

Лисоцкий обиделся и больше меня не беспокоил. Тем не менее сделал несколько докладов по Брумму в разных организациях и, кажется, даже заключил с кем-то договор.

А я стал спокойно обдумывать свой опыт по анизотропии. Я всю зиму думал. Смотрел, как падает снег. Слушал, как шумит ветер. Это мне здорово помогало. К весне я придумал. Я уже знал, что будет, когда я все присоединю и включу приборы. По-другому быть не могло. Конечно, это не эффект Брумма, но все-таки.

Со мною все как-то стали по-другому обходиться. Уже не пихали во всякие дырки. Зауважали, что ли?

Даже Рыбаков однажды сказал:

– Слушай, Петя, а ведь ты начинаешь прорезаться.

С чего он взял?

Наконец наступила весна, и я собрал схему. Когда я все включил и вставил образец в держатель, стрелки приборов исполнили тихий танец и застыли там, где я хотел.

Потому что я очень этого хотел.

Я не заметил, что собрался народ. Все стояли молча, как тогда, при опытах Фомича. И не все еще верили в результат.

– Удивительно, – сказал шеф.

– Мистика! – сказал Лисоцкий. – Фомич номер два.

– Кстати, о Фомиче, – сказал шеф. – Он снова нам написал.

– Ха-ха-ха! – сказал Лисоцкий и ушел. Наверное, разволновался.

– Это не нам, а только мне, – сказал я, открыв письмо.

Там было написано:

«Здравствуй, Петр Николаевич! Спешу поделиться радостью. Плазма у меня пошла. Бился всю зиму. Пошла, родимая! Вчера растопил печь березовыми полешками, угольку добавил и выскочил на крыльцо. Смотрю, а над трубой в магнитной ловушке – голубой шарик! Висит, стервец, как звездочка или планета, и потрескивает чуток. Я чуть не заплакал от радости. Долго висел. Я снежок слепил и запустил в него. Тут он и взорвался. Полное небо искр. Как салют в честь Дня Победы. Напиши, как идут исследования. И приезжай летом отдохнуть. Разберемся с твоей анизотропией. До скорого свидания. Остаюсь твой Василий Смирный».

И я тоже чуть не заплакал, представив себе, как чуть не заплакал Фомич.

Пишу диссертацию

В конце концов мне все-таки пришлось писать диссертацию. А в диссертации следовало указать, как это у меня получился такой удивительный для науки результат. Я сел и написал честно. То есть по сути честно, а в подробностях немного приукрашивал. Чтобы диссертацию интересно было читать.

Там все было по порядку. Как я получил от Фомича письмо, как поехал в Петушки, как вернулся обратно и что из этого вышло. В результате у меня получилась первая глава диссертации. Я назвал ее «Введение в историю проблемы».

Шеф прочитал мое «Введение», как детектив, не отрываясь. Я никогда не видел, чтобы он с таким интересом читал научные работы. При этом он хохотал, вытирая лоб платком. Тем самым, о котором я уже упоминал.

Шеф прочитал, откинулся на стуле, и лицо его стало серьезным.

– Петя, что это такое? – спросил он, указывая на диссертацию.

– Диссертация. Первая глава, – сказал я. – Там же написано.

– Петя, вы когда-нибудь видели диссертации? – спросил шеф.

– Видел, – ответил я. – Они все скучные. А у меня нет.

– Еще бы! – закричал шеф. – Я и не подозревал, что у вас фантазия пятилетнего ребенка. Где вы это все взяли? Подковы, плазма в печке… Этого же ничего не было!

– А Фомич был? – спросил я.

– Ну, Фомич был, – согласился шеф. – Но ведь плазму в печке он не получил! И вообще никаких особенных результатов не добился.

И тут я сказал, что это не главное. Для меня главное – это его отношение к делу. Я сказал, что науку нужно делать с интересом. И с душой. И, кроме того, чистыми руками.

Примерно так, как делает ее Фомич.

– Все это прекрасно, – заявил шеф. – Но это не диссертация. Ученые будут смеяться.

– И пускай смеются! – сказал я. – Разве это плохо?

– Для диссертации плохо. Назовите это по-другому.

И я назвал это по-другому. А диссертации писать так и не стал, потому что у меня, как выяснилось, нет способностей к диссертациям.

Сено-солома

Добровольцы

Летом у нас на кафедре тихо, как в санатории. Если по коридору летит муха – это уже событие. Преподаватели в отпуске, студенты строят коровники в Казахстане, а мы играем в настольный теннис. Мы – это оставшиеся на работе.

В этот день была жара, и я не нашел партнера. Прошелся по лабораториям, покричал, но безрезультатно. Все будто вымерли. Тогда я от нечего делать решил поработать.

В жару работать вредно. Об этом даже в газете писали. Предупреждали, что не следует злоупотреблять. Поэтому я начал полегоньку. Сел за лазер и плавными движениями стал стирать с него пыль. Я старался, чтобы пыли хватило до конца рабочего дня.

Тут вошла Любочка, наш профорг. Она меня долго искала между шкафами, но все-таки нашла. Любочка очень обрадовалась и сказала:

– Петя! Какое счастье! От кафедры нужно двух человек в совхоз на сено. На две недели. Дело сугубо добровольное. Ты ведь в отпуске еще не был? Это то же самое. Даже лучше.

– Кормить будут? – зачем-то спросил я. В таких случаях нужно сразу отказываться. Но я сразу отказаться не могу, боюсь обидеть человека.

– Еще как! – просияла Любочка. И она принялась рисовать картины природы. Молоко, сено, купание в озере, прогулки при луне и прочее. На прогулки и прочее она намекала с каким-то подтекстом.

– Не могу я, – сказал я уныло. – У меня жена и ребенок.

– Дядя Федя согласился, – сказала Любочка. – А у него даже внуки.

– Ладно, я поговорю с женой, – сказал я.

Жена у меня, надо сказать, очень хорошая женщина. Она умеет решать за меня разные вопросы. Исключая чисто научные. Я сказал ей, что нужно помочь совхозу. Совхоз стонет от недостатка кадров.

– Знаем мы эти кадры, – сказала жена. – Езжай. Это будет вместо отпуска. Только не теряй там голову.

– Голову я оставлю здесь, – предложил я.

– Ее кормить надо, – сказала жена. – Оставь что-нибудь другое.

Вот такой у нас, так сказать, стиль общения. С детства. Со стороны наши диалоги похожи на пьесу абсурда. Но мы отлично друг друга понимаем.

– Пиши письма, – сказала она.

– Поливай фикус, – сказал я.

– Читай классику. Много денег я все равно тебе не дам.

– Все относительно, – сказал я.

– Кроме денег. Их всегда абсолютно нет.

Мы в очередной раз посмеялись над этим обстоятельством жизни, и тема была исчерпана. Жена вынула из кладовки джинсы, в которых я делал ремонт. Почему-то их забыли выбросить в свое время. По расцветке они напоминали политическую карту Африки. К тому же рваную. Теперь им предстояло послужить общественному делу.

На следующий день я сказал Любочке, что согласен. Она меня похвалила.

– Молодец! Все равно бы послали, – сказала она. – А так все-таки легче.

После обеда нас собрали в актовом зале. Народу со всех кафедр набралось человек тридцать. В основном лаборанты и техники. Были и студенты, которые не успели уехать в Казахстан.

Младших научных сотрудников было двое – я и Барабыкина с аэродинамики. Барабыкиной лет тридцать семь, она давно младший научный сотрудник. Теперь, наверное, уже пожизненно.

Выяснилось, что самым главным будет Лисоцкий Казимир Анатольевич. Он не успел уйти в отпуск, его и прихватили. С одной стороны, приятно, что Лисоцкого прихватили. Это редко бывает. А с другой – я не очень хорошо представляю, можно ли пойти с ним в разведку. Мне всегда казалось, что нет.

Дядя Федя, стеклодув, сидел рядом со мной и уже строил планы. Тематически его планы всегда известны. Но он умеет их разнообразить нюансами.

– Лучше брать с собой, – сказал дядя Федя. – Чтобы там зря не бегать.

Тут как раз начал говорить Лисоцкий. Он хорошо говорит.

– Товарищи! Нам выпала… – начал Лисоцкий, а дальше я начал регистрировать глаголы. Вся суть в глаголах. Умение слушать глаголы экономит время. И нервную энергию тоже. Глаголы были такие: доказать, показать, умеем, знаем, не знаем, косить, сушить, пропалывать, есть, жить, три раза будем, хочу предостеречь, пить и выполним. Еще много раз было «должны», но я не уверен, что это глагол.

Я в это время рассматривал коллектив. Сплошная молодежь. Судя по виду, энтузиасты. Женщин было семь. Шесть молоденьких и Барабыкина.

С этими глаголами я чуть не пропустил, когда и как ехать. Ехать нужно было электричкой, а потом на паровике. До платформы Великое. Поселок назывался Соловьевка, а совхоз «Пролетарский».

– Годится! – сказал дядя Федя. – Значит, должен быть магазин.

Не знаю, почему он так решил. Все разошлись, обсуждая перспективы. Перспективы были радужные. Синоптики обещали незнакомую старожилам жару. Администрация обещала сохранить сто процентов плюс что заработаем минус питание. Жена обещала срочно довязать шерстяные плавки.

Я упаковывал рюкзак и пел песни Дунаевского.

Стратегия и тактика

Нас встретил управляющий отделением. Управляющий был в кожаной куртке и молодой. Веселый и энергичный. Он посмотрел на нас, как старшина на новобранцев, и сказал:

– Ну, сено-солома! Повышенных обязательств мы брать не будем. Главная наша задача – это прокормиться. Продукты мы вам будем отпускать. Но только за ваши заработанные деньги. Понятно?

Мы кивнули. Чего же тут непонятного? Жалко, что не было дяди Феди, он бы чего-нибудь спросил. Дядя Федя перед отходом электрички побежал в магазин и не вернулся. Так что в Соловьевку пока приехал лишь его чемоданчик. Я его тащил.

Управляющий сказал, что завтра в восемь выход на работу, и ушел, уведя с собою девушек. Их должны были разместить отдельно. А мы заняли большой и красивый сарай с одним окошком. В сарае были нары, больше ничего. Стены сарая внутри были расписаны, как в храме. Здесь я увидел автографы нескольких поколений, афоризмы и рисунки типа наскальных у австралопитеков. Обнаженная женщина, голова коровы, бутылка и длинная химическая формула. Наверное, здесь раньше жили химики. Юмора, скрытого в формуле, я не понял.

Я занял места на нарах себе и дяде Феде и вышел взглянуть на природу.

Сарай стоял на пригорке. В двадцати метрах располагалась летняя кухня. Рядом навес, под которым стоял стол. Это, значит, столовая. Чуть дальше две будочки типа сторожевых. Это, значит, тоже понятно.

Внизу блестело озеро. В озере отражался лес. По воде прогуливались равномерные волны, отчего изображение леса было как на стиральной доске. Правее было поле. На нем воз-

вышался огромный сеновал под крышей. Еще дальше болтались вокруг колышков две козы. Они выедали траву по окружности.

Пришли откуда-то стайкой наши девушки. Барабыкина среди них была как воспитательница детсада. Комплекция у нее средняя между тяжелым танком и баллистической ракетой. Знакомство с девушками началось еще в электричке. Теперь оно продолжилось.

Девушки были девятнадцати-двадцати лет. Кроме Инны Барабыкиной. Остальных звали так: Наташа, Наташа, Наташа, Вера, Надежда, Любовь.

Ей-богу, я не шучу! Вера, Надежда, Любовь. Любовь была уже замужем, а Барабыкина уже нет. Остальные, следовательно, были невестами.

Чтобы проще было ориентироваться, мы впоследствии разделили Наташ на просто Наташу, Наташу-бис и Тату. Тата вела себя очень бойко. Кто-то уже попытался к ней подъехать, но тут же отъехал.

Из сарая вышел Лисоцкий в белой панамке. Он положил руки себе на живот и тоже принялся рассматривать окрестности. Потом Лисоцкий предложил провести организационное собрание.

– Все слышали? – сказал Лисоцкий. – Чем больше заработаем, тем лучше поедим. Это будет наша стратегия.

– А чем лучше поедим, тем что? – спросила Тата.

– Тем лучше будем работать! – загалдели остальные. – Тем сильнее будем любить! Тем больше будем спать!

Шуточки.

– А чем больше будем спать, тем скорее уедем, – сказал я, чтобы тоже внести свою лепту.

Лисоцкий нахмурился.

– Петр Николаевич, – обратился он ко мне. – Попрошу вас быть моим заместителем. Вы человек уже опытный, будете руководить молодежью.

– Шишка на ровном месте, – сказала молодежь Тата.

– Нами нужно руководить, – кокетливо сказала Барабыкина. Ей понравилось, что она тоже молодежь. Но Лисоцкий охладил ее пыл.

– Инна Ивановна будет поваром, – галантно сказал он. – Вручаем наши желудки в ваши руки.

– Никогда! – заявила Барабыкина. – Не умею и не хочу. Я даже мужу бывшему не готовила.

Понятно теперь, почему он от нее сбежал. Все посмотрели на Барабыкину с сожалением. У Лисоцкого упоминание о бывшем муже вызвало легкий стыд. И он постеснялся обременять женщину, перенесшую личную драму, нашими общественными желудками.

– Вера! Надя! – сказал он. – Придется вам.

Девушки покраснели, будто их сватают. Но согласились. Таким образом, наша вера и наша надежда оказались связанными с кухней. А с любовью обстояло много сложнее. Лисоцкий это понимал, поэтому после собрания оставил меня на конфиденциальную беседу. Мы говорили как мужчина с мужчиной.

– Надо что-то делать, – сказал Лисоцкий, глядя мне в глаза. Это чтобы я понимал подтекст.

– С чем? – спросил я, не понимая подтекста.

– Люди крайне молоды, – сказал Лисоцкий. – Природа настраивает на лирический лад. Вы понимаете?

– Нет, – сказал я.

– Не исключена возможность любви, – прямо сказал Лисоцкий.

– А! – сказал я.

– Вы представляете мое положение как руководителя. Проконтролировать всех я не смогу. Они начнут встречаться, ходить за ягодами, может быть, даже целоваться.

– А потом поженятся, – сказал я.

– А если не поженятся?

– Могут и не пожениться, – согласился я.

– Вот то-то и оно! Тогда возникнут неприятности. Представьте себе, что кто-нибудь из девушек… Вы понимаете?

– Нет, – сказал я.

– Петр Николаевич! – воскликнул Лисоцкий.

– А! Понимаю, – сказал я. – Кто-нибудь из девушек залетит?

– Как вы сказали? – не понял теперь уже Лисоцкий.

– Ну, залетит. Моя жена так говорит. По-другому это называется…

– Господь с вами! – закричал Лисоцкий. – Об этом я и думать боюсь.

– А вы не думайте, – предложил я.

– Я не могу не думать. Я руководитель… Нужно принять профилактические меры.

Как выяснилось, Лисоцкий имел в виду средства морального воздействия. Нужно было проводить культурные мероприятия, чтобы у них не оставалось времени на любовь. Этим должен был заниматься я. Учитывая мою относительную молодость.

– Работа, еда, физические упражнения, подвижные игры. Песен у костра лучше не надо. Они настраивают лирически. Такова будет наша тактика, – сказал Лисоцкий.

Таким образом, я оказался заместителем Лисоцкого в поле, поскольку он взялся вести учет и контроль в конторе, а также массовиком-затейником по предупреждению любви.

Вторая должность мне показалась интересной. В самом деле, свести все отношения на рельсы дружбы, а? Это трудно и почетно. Поэтому я сразу же стал приглядываться к народу. Кто на кого смотрит, как смотрит и зачем. Главное зачем.

А народ тем временем двинулся на сеновал набивать сеном матрацы. Я пошел вместе со всеми. В руках у меня были два мешка. Дяди-Федин и мой.

Амбалы

Вы знаете, что такое амбалы? Нет, вы не знаете, что они такое.

Так написал бы Николай Васильевич Гоголь. Но при Гоголе амбалов еще не было. Они появились совсем недавно. Короче говоря, как я узнал, амбалы – это молодые люди, перенесшие процесс акселерации. То есть ускоренного физического развития.

Сейчас много кричат об акселерации. Акселерация то, акселерация се. В данном случае она меня интересовала с моей точки зрения. С точки зрения миссии, возложенной на меня Лисоцким.

Первое упоминание об амбалах я услышал еще в электричке. Двое молодых людей, каждый на голову выше меня, пели такую песню:

Амбалы отличаются от прочих
Размерами, умом, а также тем,
Что могут заменять чернорабочих
В любой из государственных систем.

В общем, типичная самореклама.

Насчет размеров – это они верно. Умом, как я понял, они тоже отличаются. Просто удивительно, насколько количество мозгового вещества может быть непропорционально росту. Последствия подобного диссонанса я опишу позже.

Вообще, амбалы очень милы, но энергии у них больше, чем потребности в ней. В нашем отряде я насчитал восемнадцать амбалов. О троих стоит рассказать подробнее. Они уже в электричке образовали эстрадную группу.

Амбал Яша выше всех. Такое впечатление, что он не совсем хорошо понимает, что происходит внизу, на земле. Он витает где-то высоко, на уровне верхушек деревьев. Представьте себе белокурого пятилетнего мальчика, которого растянули в длину, как сливочную тянучку. Метра на два. Выражение лица и вес остались прежними. Это будет Яша.

Яша играет на гитаре, как Паганини на скрипке. На одной струне. Его пальцы обхватывают гриф, оборачиваясь вокруг него дважды. Еще Яша пишет стихи.

Амбал Леша похож на боксера. Когда в тренировочном костюме. А когда снимет, то нет. Глаза у него голубые, как его биография. Ясли, детский сад, школа. Леша был идеологом амбалов. Он постоянно напоминал, что амбалы, мол, сделаны из другого теста. И лучше с ними не связываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.